

Кейт
Аткинсон

ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Посвящается Элиссе

Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: «Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз <...>». Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты — бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!»

Ницше. Веселая наука¹

Все вещи меняются, и ничто не остается на месте.

Платон.

Кратил²

«Что, если у нас была бы возможность проживать эту жизнь снова и снова, пока не получится правильно? Вот было б здорово, да?»

1 Пер. М. Кореновой, С. Степанова и В. Топорова.

2 Пер. Т. Васильевой.

Будьте доблестны

Ноябрь 1930 года

Удушающее облако табачного дыма и влажного липкого воздуха окутало ее при входе в кафе. Шел дождь, и на шубках некоторых женщин, сидящих в зале, все еще дрожали тонким росистым покровом капли воды. Полк официантов в белых передниках суетился вокруг отдыхающих мюнхенцев, которым хотелось кофе, сдобы и сплетен.

Он сидел за столиком в дальнем конце зала, окруженный, как всегда, друзьями и прихлебателями. В этом кружке выделялась женщина, которую вошедшая никогда до этого не встречала: густо накрашенная пепельная блондинка с кудряшками, судя по внешности — актриса. Блондинка закурила сигарету, будто разыгрывая пошлое представление. Все знали, что он отдает предпочтение скромным, пышущим здоровьем баваркам. В гетрах и фартучках, господи прости!

Стол ломился от угощений. *Bienenstich*, *Gugelhupf*, *Käsekuchen*³. Он уминал *Kirschtorte*⁴. Ему нравилась выпечка. Неудивительно, что он отнюдь не отличался стройностью; она поражалась, как он до сих пор не заработал диабет. Одежда скрывала от посторонних глаз неприятно рыхлое тело (ей сразу представилась сдоба). Ни доли мужского не было в этом человеке. Завидев ее, он с улыбкой полупривстал, произнес: «*Guten Tag, gnädiges Fräulein*»⁵ — и указал на занятый стул рядом с собой. Сидевший там прихлебатель

быстро вскочил и ретировался.

— *Unsere Englische Freundin*⁶, — сказал он блондинке, медленно пускавшей сигаретный дым; без всякого интереса окинув взглядом незнакомку, та наконец выговорила: «Guten Tag»⁷. Берлинка.

Опустив на пол тяжелую сумку, она заказала *Schokolade*. Он уговорил ее отведать *Pflaumen Streusel*⁸.

— *Es regnet*, — заметила она между прочим. — Идет дождь.

— Да, идет дождь, — повторил он с сильным акцентом и сам усмехнулся, довольный своей попыткой.

Сидящие за столом тоже засмеялись. Кто-то воскликнул: «*Bravo! Sehr gutes English*»⁹. Он пребывал в хорошем расположении духа и, весело улыбаясь, постукивал по губам указательным пальцем, словно в такт мелодии, игравшей у него в голове.

Сливовый пирог оказался превосходным.

— *Entschuldigung*¹⁰, — пробормотала она, наклоняясь к сумке в поисках носового платка.

Отделанный кружевом платок украшали ее инициалы «УБТ» — это был подарок от Памми ко дню рождения. Она аккуратно промокнула уголки губ, удалив с них крошки пирога, и снова наклонилась, чтобы вернуть платок в сумку, а затем вынула из нее что-то тяжелое. Это был «уэбли» пятой модели — старый револьвер ее отца, служивший ему во время Первой мировой войны.

Движение, отрепетированное сотни раз. Один выстрел. Главное — не мешкать. Хотя после того, как она достала оружие и направила ему прямо в сердце, на долгий миг ей почудилось, будто все вокруг замерло.

— *Führer*, — произнесла она, словно заклинание.

— *Für Sie*¹¹.

Одно резкое движение — и все револьверы сидящих за столом уже направлены на нее.

Вдох. Выстрел.

Урсула спустила курок.

Наступила темнота.

³ Медовая коврижка, ванильный кекс, ватрушка (нем.).

⁴ Вишневый торт (нем.).

⁵ Добрый день, барышня (нем.).

⁶ Наша английская подруга (нем.).

⁷ Добрый день (нем.).

⁸ Пирог со сливами (нем.).

⁹ Bravo! Отличный английский (нем.).

¹⁰ Извините (нем.).

¹¹ Фюрер... Это вам (нем.).

Снег

11 февраля 1910 года

Ледяной порыв ветра, морозный воздух на чувствительной коже. Ничто не предвещало, что она лишится укрытия, а знакомый уютный и теплый мир исчезнет без следа. Теперь она бессильна против всех стихий. Как моллюск, вырванный из панциря, как орех, извлеченный из скорлупы.

Ни одного вдоха. Мир съезжился. Один вдох.

Маленькие легкие, словно крылья стрекозы, поникли от гнета. Дыхательное горло не справляется с дыханием. Тысячи пчел роятся и жужжат в крошечном изгибе уха.

Паника. Тонущая девочка; подстреленная птица.

*

— Доктор Феллоуз давно уже должен был приехать, — простионала Сильви. — Почему его до сих пор нет? Где же он?

Крупные капли пота жемчужинами катились по ее коже, как по бокам лошади в конце тяжелого забега. От пламени камина веяло жаром корабельной топки. Тяжелые парчовые шторы были плотно задернуты от враждебной силы — ночи. От этой черной летучей мышцы.

— Нынче в снегу застрять немудрено, мэм. Вон как непогода разгулялась. Видать, все дороги замело. Сильви и Бриджет остались один на один с суровым

испытанием. Горничная Элис уехала проведать свою больную мать. А Хью, конечно же, отправился à Paris¹² за своей беспутной сестрой Изобел. Сильви не хотелось тревожить миссис Гловер, которая спала в мансарде и, как боров, сотрясалась от храпа. Сильви думала, что выдержит все, не дрогнув ни одним мускулом, как сержант на плацу. Роды оказались преждевременными. А по расчетам Сильви, они должны были начаться с небольшим запозданием, как и двое предыдущих. Мы счастья ждем, а на порог... и так далее. — Ой, мэм, — вскрикнула Бриджет, — она вся синюшная, вся как есть!

— Девочка?

— Пуповина обмоталась вокруг шеи. Ох, святые угодники, батюшки мои. Задохнулась, бедная малютка.

— Совсем не дышит? Дай взглянуть. Надо что-то делать. Как же быть?

— Ох, миссис Тодд, мэм, она нас покинула. Умерла, не пожив. Жалко ее до слез. Будет теперь ангелочком на небесах, как пить дать. Ох, если бы мистер Тодд был здесь. Вот беда-то. Прикажете разбудить миссис Гловер?

Маленькое сердечко. Беспомощное, яростно бьющееся сердечко. Вдруг замерло, как упавшая с неба птица. Один выстрел.

Наступила темнота.

12 В Париж (фр.).

Снег

11 февраля 1910 года

— Ради бога, прекрати метаться, как недорезанная курица. Тащи горячую воду и полотенца. Соображаешь? Ты где выросла?

— Простите, сэр. — Бриджет виновато сделала реверанс перед доктором Феллоузом, словно перед отпрыском королевского рода.

— Это девочка, доктор Феллоуз? Можно мне посмотреть?

— Конечно, миссис Тодд, — здоровенькая, крепенькая малышка.

Сильви показалось, что доктор Феллоуз переборщил с ласкательными формами. Он и в лучшие свои минуты не отличался добродушием. Казалось, недуги пациентов созданы лишь ему назло, а рождение и смерть — тем более.

— Чуть не умерла от удушения пуповиной. Я успел буквально в последний момент.

Доктор Феллоуз поднял хирургические ножницы, чтобы Сильви смогла их рассмотреть. Маленькие, аккуратные, с загнутыми острыми концами.

— Чик-чик, — сказал он.

Сильви, хотя и устала, прокрутила в голове маленькую, незаметную мысль, а именно: купить на всякий случай точно такую же пару ножниц. (Маловероятно, что они пригодятся.) Или нож, хорошо заточенный нож, и чтобы он постоянно был у нее при себе, как у маленькой разбойницы в «Снежной королеве».

— Повезло вам, что я добрался до Лисьей Поляны вовремя, — сказал доктор Феллоуз. — Пока дороги не завалило снегом. Я послал за повитухой, миссис Хэддок, но она, скорее всего, застряла, еще не доехав до Челфонт-Сент-Питера.

— Миссис Хэддок? — переспросила Сильви, нахмурившись 13.

Бриджет захохотала, но, спохватившись, выдавила:

— Простите, простите, сэр.

Сильви решила, что они с Бриджет обе на грани истерики. Ничего удивительного.

— Грязнушка ирландская, — проворчал доктор Феллоуз.

— Бриджет всего лишь прислуга, еще совсем ребенок. Я ей очень благодарна. Все произошло так стремительно.

Больше всего Сильви хотелось остаться одной, но в комнате постоянно кто-то был.

— Я думаю, вам лучше заночевать у нас, доктор, — сказала она с неохотой.

— Да, выбора, похоже, нет, — с такой же неохотой отозвался доктор Феллоуз.

Со вздохом Сильви предложила ему пройти на кухню и выпить бренди. А также перекусить ветчиной и соленьями.

— Бриджет вас проводит.

Ей хотелось, чтобы он поскорее ушел. Он принимал у нее роды все три (три!) раза, а она его терпеть не могла. Только мужу дозволено видеть то, что видел он. Он копался своими инструментами в ее

самых чувствительных, интимных местах. (Но разве было бы лучше, если бы роды принимала повитуха миссис Хэддок?) Все женские доктора должны быть женщинами. Но такое маловероятно.

Доктор Феллоуз замешкался, что-то бормоча и наблюдая, как разгоряченная Бриджет обмывает и пеленает новорожденную. У своих родителей Бриджет была самой старшей из семи детей и умела обращаться с младенцами. Ей было четырнадцать — на десять лет моложе Сильви. Но Сильви в ее возрасте бегала в коротеньких юбочках и обожала своего пони Тиффина. Она понятия не имела, откуда берутся дети, и даже в первую брачную ночь не знала что да как. Ее мать Лотти отделялась намеками, стесняясь углубляться в анатомические подробности. Супружеские отношения загадочным образом уподоблялись жаворонкам, парящим в небе на рассвете. Лотти была сдержанной женщиной. Возможно, даже страдала нарколепсией. Ее муж, отец Сильви, Льюэлин Бересфорд был известным в свете, но отнюдь не богемным портретистом. Не допускал наготы и фривольности. Писал портрет королевы Александры в бытность ее принцессой. Весьма приятна в общении, отмечал он.

У них был солидный дом в Мэйфере, а Тиффин стоял в конюшне близ Гайд-парка. В самые трудные минуты Сильви обычно подбадривала себя тем, что представляла, как она погожим весенним утром, в далеком радостном прошлом, удобно сидя в дамском седле на широком крупе Тиффина, едет рысцой по

Роттен-роу среди цветущих деревьев.

— Может, подать горячего чаю и гренки с маслом, миссис Тодд? — спросила Бриджет.

— Было бы чудесно, Бриджет.

Сильви наконец протянули малышку, запеленатую, как мумия фараона. Нежно погладив румяную щечку, Сильви произнесла: «Здравствуй, крошка»; доктор Феллоуз отвернулся, чтобы не быть свидетелем приторного излияния чувств. Будь его воля, он бы всех детей воспитывал по-спартански.

— Самое время перекусить, — сказал он. — У вас, случайно, не осталось овощного маринада, что готовит миссис Гловер?

¹³ Haddock (англ.) — букв. пикша (рыба из семейства тресковых).

Четыре разных времени

В ГОДУ

11 февраля 1910 года

Сильви проснулась от яркого луча света, пробивающегося сквозь занавески сияющим лезвием серебряного меча. Пока она нежилась под кашемиром и кружевами, в комнату вошла миссис Гловер, гордо неся перед собой огромный поднос с завтраком. Только событие исключительной важности способно было заставить миссис Гловер так далеко отойти от своих владений. Одинокий подснежник в вазочке на том же подносе, только что принесенный с холода, в тепле сразу поник.

— Подснежник! — воскликнула Сильви. — Цветок, первым поднимающий свою бедную головку от земли. Как это мужественно!

Вдовая миссис Гловер, которая не верила, что цветы обладают мужеством или любой другой чертой характера, положительной или отрицательной, жила в Лисьей Поляне считанные недели. Она сменила женщину по имени Мэри, у которой посуда валялась из рук, а мясо вечно подгорало. Миссис Гловер же старалась, напротив, не доводить еду до полной готовности. Когда Сильви была маленькой, в зажиточном доме ее родителей кухарку именовали хозяйкой, но миссис Гловер предпочитала, чтобы к ней обращались «миссис Гловер». Это подчеркивало ее значимость. Про себя Сильви упорно продолжала называть ее хозяйкой.

— Спасибо, хозяйка. — (Миссис Гловер, словно ящерица, медленно закатила глаза.) — Миссис Гловер, — поправилась Сильви.

Опустив поднос на кровать, миссис Гловер отдернула шторы. В комнату хлынул невероятный свет; летучей мыши как не бывало.

— Глаза слепит, — выговорила Сильви, загораживаясь ладонью.

— Снегу-то навалило.

Миссис Гловер покачала головой, то ли с изумлением, то ли с брезгливостью. Подчас ее трудно было понять.

— Где доктор Феллоуз? — спросила Сильви.

— Отбыл по срочному вызову. Где-то фермера бык помял.

— Какой ужас.

— Из деревни люди прибежали, хотели его автомобиль откопать, но не тут-то было. В конце концов мой Джордж вызвался его подвезти.

— Ах вот оно что. — Сильви как будто разгадала некую старую загадку.

— А еще говорят: лошадиная тяга, — фыркнула миссис Гловер, сама похожая на быка. — Вот и доверяй этим новомодным тарахтелкам.

— Мм... — Сильви не хотела оспаривать такие твердые убеждения.

Ее удивило, что доктор Феллоуз перед отъездом не осмотрел ни ее, ни ребенка.

— Он к вам заглянул. Да вы спали, — сообщила миссис Гловер.

Временами Сильви подозревала у нее телепатические способности. Кошмарная мысль.

— Сперва, конечно, позавтракал, — единым духом одобрила и осудила доктора миссис Гловер. — Appetit у него — что надо, это уж точно.

— Я бы и сама целую лошадь съела, — посмеялась Сильви.

Она, конечно,хватила: ей тут же вспомнился Тиффин. Взявшись за столовое серебро, тяжелое, как оружие, она приготовилась разделаться с рублеными почками, приготовленными миссис Гловер.

— Изумительно, — сказала она (неужели?), но все внимание миссис Гловер было уже обращено на лежащую в колыбели малышку («пухленькая, что молочный поросенок»). Сильви лениво подумала: неужели миссис Хэддок до сих пор не может выбраться из Челфонт-Сент-Питера?

— Я слыхала, девчушка чуть не померла, — сказала миссис Гловер.

— Ну... — протянула Сильви.

Линия между жизнью и смертью очень тонка. Однажды вечером ее отец, светский портретист, выпив лучшего коньяку, поскользнулся на исфаханском ковре, устилавшем площадку второго этажа. Наутро его нашли мертвым у подножья лестницы. Никто не слышал ни крика, ни грохота. А незадолго до этого отец взялся писать портрет графа Бальфура. Так и оставшийся незаконченным. Естественно.

Очень скоро выяснилось, что при жизни Льюэллин

распоряжался деньгами более свободно, чем предполагали его жена и дочь. Заядлый картежник, он наделал долгов по всему городу. Никаких распоряжений на случай скоропостижной смерти он не оставил, и вскоре зажиточный дом в Мэйфере наводнили кредиторы. Не дом, а, как оказалось, карточный домик. Тиффина пришлось продать. У Сильви разрывалось сердце — сильнее, чем от потери отца.

— Я думала, у него была только одна пагубная страсть — женщины, — произнесла ее мать, присев на чемодан и будто позируя для «Пьеты».

Их затянула интеллигентная, благопристойная нищета. Мать Сильви сделалась бледной и невзрачной, жаворонки разлетелись, а она угасала от чахотки. В семнадцать лет Сильви была спасена от участи натурщицы одним человеком, с которым познакомилась на почте. Это был Хью. Восходящая звезда сытого банковского мира. Воплощение буржуазной респектабельности. О чем еще могла мечтать хорошенькая девушка без гроша в кармане?

Лотти умерла спокойнее, чем можно было ожидать, и Хью без лишней шумихи женился на Сильви в день ее восемнадцатилетия. («По крайней мере, — сказал Хью, — тебе не составит труда запомнить годовщину нашей свадьбы».) Медовый месяц — восхитительный *quinzaine*¹⁴ — они провели во французском городке Довиль, а затем обрели полупасторальное блаженство неподалеку от Биконсфилда, купив дом почти в стиле Лаченса. Там

было все, чего только можно желать: просторная кухня, гостиная с застекленными дверями, выходящими на лужайку, прелестная утренняя столовая и несколько спален, ожидающих пополнения в семье. В задней части дома имелся закуток, где Хью оборудовал себе кабинет. «Да, моя роптальня», — усмехался он.

Соседские дома располагались на почтительном расстоянии. За ними начинались луга, рощица и голубой от колокольчиков лес, прорезанный речкой. Благодаря наличию железнодорожной станции, точнее одного перрона, Хью добирался до своего банка менее чем за час.

— Сонное царство, — посмеялся Хью, галантно поднимая Сильви на руки, чтобы перенести через порог.

Жилище (в сравнении с Мэйфером) было довольно скромным, но все же слегка превышало их возможности, и это финансовое безрассудство удивило обоих.

— Нужно дать нашему дому имя, — сказал Хью. — «Лавры», или «Сосны», или «Вязы».

— Но у нас в саду ничего такого не растет, — возразила Сильви.

Стоя у застекленной двери, они разглядывали запущенную лужайку.

— Придется нанять садовника, — сказал Хью.

Дом встретил их гулкой пустотой. Они еще не приобрели ни ковры Войси, ни ткани Морриса — ничего,

что привнесло бы в интерьеры эстетический комфорт двадцатого века. Сильви охотнее согласилась бы жить в универмаге «Либерти», чем в этом семейном доме, у которого даже не было имени.

— «Зеленые акры», «Милый вид», «Солнечный луг»? — предлагал Хью, обнимая молодую жену.

— Нет.

Прежний владелец, продав свой безымянный дом, переехал в Италию.

— Подумать только, — мечтательно произнесла Сильви.

В ранней юности она побывала в Италии — отец возил ее в «гранд-тур», когда мать отправилась в Ист-борн подлечить легкие.

— Там же одни итальянцы, — пренебрежительно бросил Хью.

— Совершенно верно. В том-то и смысл, — сказала Сильви, высвобождаясь из его объятий.

— «Конек»? «Усадьба»?

— Остановись, прошу тебя, — взмолилась Сильви. Вдруг из кустов выскочила лисица и потрусилась через лужайку.

— Ой, смотри! — оживилась Сильви. — На вид совсем непуганая, привыкла, наверное, что в доме никто не живет.

— Надеюсь, за ней не гонятся местные охотники, — сказал Хью. — Зверушка совсем отощала.

— Это самка. Детенышей кормит — видишь, как соски отвисли.

Заслышав такие беззастенчивые речи из уст своей

еще недавно невинной (хотелось бы верить; хотелось бы надеяться) молодой жены, Хью сощурился.

— Смотри, — шепнула Сильви; на траве кувыркались двое маленьких лисят. — До чего же милые создания!

— Говорят, от них один вред.

— А они, наверное, думают, что это от нас один вред, — возразила Сильви. — «Лисья Поляна» — вот как будет называться этот дом. Ни у кого нет дома с таким названием, а ведь это самое главное, правда?

— Ты серьезно? — недоверчиво переспросил Хью. — В этом есть какая-то странность, ты не находишь? Похоже на детскую сказку: «Дом на Лисьей Поляне», «Дом на Пуховой Опушке».

— Небольшая странность — это не беда.

— Строго говоря, — продолжал Хью, — может ли дом быть поляной? Дом может быть на поляне.

Начинается семейная жизнь, подумала Сильви.

В дверь осторожно заглянули двое детишек.

— Наконец-то, — заулыбалась Сильви. — Морис, Памела, входите, поздоровайтесь со своей сестренкой. Они с опаской приблизились к колыбели, будто не зная, что обнаружится внутри. Сильви вспомнила, как испытала нечто похожее, когда во время прощания с отцом подошла к элегантному, с медными накладками, дубовому гробу (любезно оплаченному членами Королевской академии художеств). Впрочем, детей, вполне возможно, смущало лишь присутствие миссис Гловер.

— Опять девчонка, — мрачно изрек Морис.

Пяти лет от роду, на два года старше Памелы, он стал главой семьи, когда уехал Хью.

— В командировку, — сообщила Сильви знакомым, хотя на самом деле он спешным порядком пересек Ла-Манш только для того, чтобы вырвать свою беспутную младшую сестрицу из лап женатого мужчины, с которым та сбежала в Париж.

Морис ткнул пальцем в младенческую щечку; новорожденная проснулась и в испуге запищала. Миссис Гловер схватила Мориса за ухо. Сильви содрогнулась, но Морис героически выдержал боль. Сильви решила, как только наберется сил, непременно поговорить с миссис Гловер.

— Имя придумали? — спросила миссис Гловер.

— Урсула, — ответила Сильви. — Я назову ее Урсулой. Это означает «медведица».

Миссис Гловер неопределенно кивнула. У богатых свои причуды. А возьми ее родного сына: собой видный, а зовут без затей — Джордж. «От древнегреческого „земледелец“», — объяснил викарий, который его крестил; Джордж и впрямь трудился на земле в соседнем имении Эттрингем-Холл, как будто имя предопределило его судьбу. Впрочем, миссис Гловер не склонна была размышлять о судьбе. А о древних греках — тем более.

— Ну, пойду я, — сказала миссис Гловер. — На обед кулебяка будет — вкуснота. А на сладкое — египетский пудинг.

Сильви понятия не имела, что представляет собой

египетский пудинг. Ей на ум приходили только египетские пирамиды.

— Нам всем подкрепиться нужно, — добавила миссис Гловер.

— Это верно, — подтвердила Сильви. — Да и Урсулу пора еще разок покормить!

Ее саму раздосадовал этот незримый восклицательный знак. Непостижимо, но в разговорах с миссис Гловер она часто напускала на себя преувеличенную жизнерадостность, как будто стремилась уравновесить естественный баланс веселости в мире.

Миссис Гловер невольно содрогнулась, когда из-под кружевного облака пеньюара появились бледные, с голубыми прожилками груди Сильви. Она стала торопливо подталкивать детей к дверям.

— Кашу кушать, — мрачно скомандовала миссис Гловер.

— Не иначе как Господь хотел забрать эту крошку обратно, — проговорила некоторое время спустя Бриджет, входя в спальню с чашкой горячего чая.

— Мы подверглись испытанию, — ответила Сильви, — которое с честью выдержали.

— В этот раз — да, — сказала Бриджет.

¹⁴ Двухнедельный срок (фр.).

Май 1910 года

— Телеграмма, — объявил Хью, неожиданно появившись в детской и выведя Сильви из приятной дремоты, в которую та погрузилась во время кормления Урсулы.

Быстро прикрыв грудь, Сильви отозвалась:

— Телеграмма? Кто-то умер?

И в самом деле, выражение лица Хью наводило на мысль о трагедии.

— Из Висбадена.

— Понятно, — сказала Сильви. — Значит, Иззи родила.

— Не будь этот прохиндей женат, — начал Хью, — сделал бы мою сестру порядочной женщиной.

— Порядочной женщиной? — задумчиво протянула Сильви. — Разве такое бывает? — (Она произнесла это вслух?) — А помимо всего прочего, для замужества она слишком молода.

Хью нахмурился и от этого стал еще привлекательнее.

— Ей всего лишь на два года меньше, чем было тебе, когда ты стала моей женой, — заметил он.

— И при этом она как будто намного взрослее, — негромко произнесла Сильви. — У них все благополучно? Ребеночек здоров?

Когда Хью настиг сестру в Париже и силком затащил ее в поезд, а затем на отплывавший в Англию паром, она, как выяснилось, была уже заметно *en-ceinte*¹⁵. Аделаида, ее мать, тогда сказала: лучше бы Иззи оказалась в руках торговцев белыми рабынями,

чем в пучине добровольного разврата. Идея торговли белыми рабынями заинтриговала Сильви: она даже представляла, как ее саму мчит в пустыню на арабском скакуне какой-то шейх, а потом она нежится на мягких диванных подушках, лакомится сладостями и потягивает шербет под журчание родников и фонтанов. (У нее были подозрения, что это мало похоже на истину.) Гарем казался ей чрезвычайно разумным изобретением: разделение женских обязанностей и все такое.

При виде округлившегося живота младшей дочери Аделаида, незыблемо приверженная викторианским взглядам, буквально захлопнула дверь перед носом Иззи, отослав ее обратно через Ла-Манш, дабы позор остался за границей. Младенца предполагалось как можно скорее отдать на усыновление. «Какой-нибудь респектабельной бездетной паре из Германии», — решила Аделаида. Сильви попыталась представить, на что это похоже: отдать своего ребенка чужим людям. («И мы никогда больше о нем не услышим?» — поразилась она. «Очень надеюсь», — ответила Аделаида.) Теперь Иззи ожидала отправки в Швейцарию, в какой-то пансион благородных девиц, хотя на девичестве и, похоже, на благородстве давно можно было поставить крест.

— Мальчик, — сообщил Хью, размахивая телеграммой, как флагом. — Крепыш и так далее и тому подобное.

Урсула встречала свою первую весну. Лежа в

коляске под букром, она следила за игрой света в нежно-зеленой листве, когда ветерок мягко трогал ветви. Ветви были руками, а листья — пальцами. Дерево танцевало для нее одной. *Колыбель повесть на ветку, ворковала Сильви, пусть качает ветка детку.*

В саду растет кустарник, лепетала Памела, на вид совсем простой, с серебряным орешком и грушей золотой.

Подвешенный к капюшону коляски игрушечный заяц крутился, поблескивая на солнце серебристым мехом. Когда Сильви была совсем маленькой, этот заяц, сидящий торчком в плетеной корзиночке, украшал собой ее погремушку; от погремушки, как и от детства, давно остались одни мечтания.

Перед глазами Урсулы то появлялся, то исчезал весь известный ей мир: голые ветви, почки, листья. Она впервые наблюдала смену времен года. Зима с рождения была у нее в крови, но потом налетело предвестие весны, на деревьях набухли почки, лето нехотя разлило жару, осень повеяла прелым, грибным духом. Поднятый верх коляски заключал ее мир в тесную рамку. Со сменой времен года за этой рамкой появлялись неожиданные прикрасы: солнце, облака, птицы; как-то над ней беззвучно описал дугу пущенный неумелым движением мячик для крикета, пару раз появилась радуга, частенько сыпал противный дождь (Урсулу порой не сразу спасали от непогоды).

А как-то осенним вечером, когда об Урсуле никто не вспомнил, в рамке вспыхнули звезды и луна — бы-

ло интересно и в то же время страшно. Бриджет тогда досталось по первое число. Коляска в любую погоду стояла под открытым небом: навязчивую идею о пользе свежего воздуха Сильви унаследовала от своей матери Лотти, которая в молодости провела не один месяц в швейцарском санатории, где днями напролет сидела, кутаясь в плед, на открытой террасе и безучастно разглядывала снежные вершины Альп.

Бук ронял свои листья, которые лоскутками бронзового пергамента плыли над Урсулой. В один из отчаянно ветреных ноябрьских дней над коляской нависла зловещая фигура. Морис корчил рожи, дразнился: «Бу-бу-бу», а потом поддел одеяльце палкой. «Малышка тупая», — бросил он и напоследок засыпал ее охапкой листьев. Урсула начала задремывать под этим листовым покровом, но тут чья-то ладонь отвесила Морису оплеуху, он взвыл «Ай!» и исчез. Серебристый заяц стремительно завертелся, Урсулу выхватила из коляски пара сильных рук, и Хью сказал:

— Вот ты где. — Как будто она потерялась, а теперь нашлась. — Прямо как ежик в спячке, — обернулся он к Сильви.

— Бедненькая, — посмеялась Сильви.

И снова пришла зима. Урсула вспомнила ее по прошлому году.

Июнь 1914 года

Свое четвертое лето Урсула встретила без особых происшествий. Ее мать с облегчением отметила, что малышка, вопреки (или благодаря) столь трудному вхождению в этот мир, развивается нормально, благодаря (или вопреки) строгому распорядку дня. Урсула, в отличие от Памелы, не была склонна к размышлениям, но и не жила бездумно, в отличие от Мориса.

Стойкий оловянный солдатик, думала Сильви, наблюдая, как Урсула топает вдоль берега за Морисом и Памелой. Они казались совсем крошечными — да такими они и были, — но почему-то Сильви не переставала удивляться необъятности своего чувства к детям. Самый младший и самый крошечный, Эдвард, еще не покидал переносную плетеную колыбельку, стоявшую рядом с ней на песке, и пока не причинял никакого беспокойства.

Их семья на месяц сняла дом в Корнуолле. Хью пробыл там всего неделю, а Бриджет осталась до конца срока. Еду готовили Бриджет и Сильви сообща (и довольно скверно), потому что миссис Гловер взяла месячный отпуск, чтобы съездить в Сэлфорд и помочь одной из своих сестер, у которой сын подхватил дифтерию. Стоя на перроне полустанка, Сильви вздохнула с облегчением, когда широкая спина миссис Гловер скрылась в вагоне.

— Зачем было устраивать проводы? — удивился Хью.

— Чтобы порадоваться ее отъезду, — ответила

Сильви.

Днем пекло солнце, с моря дул свежий ветер, а по ночам Сильви, nepотревоженная, лежала на непривычно жесткой кровати. На обед она покупала пирожки с мясом, жареный картофель и слойки с яблоками, расстилала на песке коврик, и они перекусывали, прислоняясь к скале. На пляже можно было снять хижину, и это помогало решить щекотливую проблему дневного кормления грудью. Иногда Бриджет и Сильви сбрасывали обувь и смело трогали воду пальцами ног, а иногда просто сидели с книжками под огромным тентом. Сильви читала Конрада, а Бриджет, забывшая прихватить какой-нибудь из своих любимых готических романов, не расставалась с «Джейн Эйр», которую дала ей Сильви. Бриджет оказалась весьма отзывчивой читательницей: она то и дело ахала от страха, содрогалась от негодования и расплывалась от восторга. На этом фоне «Тайный агент» выглядел сухим чтивом.

Выросшая вдали от побережья, Бриджет все время допытывалась, что сейчас происходит на море: прилив или отлив; до нее, похоже, не доходило, что это вполне предсказуемо.

— Время каждый день меняется, — терпеливо объясняла ей Сильви.

— Это еще почему? — не унималась озадаченная Бриджет.

— Как тебе сказать... — Сильви тоже понятия не имела. — А почему бы и нет? — резко заключила она.

Дети возвращались с рыбалки: они всласть повозились с сачками у оставленных приливом лужиц в дальнем конце пляжа. На полпути Памела с Урсулой замешкались, шлепая по воде, а Морис перешел на бег, домчался до Сильви и плюхнулся рядом с ней, подняв целую песчаную бурю. Одной рукой он держал за клешню небольшого краба, и Бриджет в ужасе завопила.

— Пирожки с мясом есть? — спросил Морис.

— Что за манеры, Морис, — упрекнула Сильви.

С наступлением осени его планировалось отправить в школу-пансион. Для Сильви это было бы облегчением.

— Иди сюда, будем перепрыгивать через волны, — распорядилась Памела.

Памела вечно командовала, но не обидно, и Урсула почти всегда с охотой откликалась на ее затеи, а если даже без особой охоты, то все равно не спорила. Мимо них по пляжу прокатился обруч, будто принесенный ветром, и Урсула собралась побежать следом, чтобы вернуть его владелице, но Памела воспротивилась:

— Нет, идем прыгать.

И они, бросив сачки на песок, устремились навстречу приливу. Вот загадка: при любой жаре вода оставалась ледяной. Сестры, по обыкновению, кричали и визжали, прежде чем взяться за руки и встретить стихию. Но волны, как назло, оказались

совсем низкими — просто рябь с пенным кружевом. Тогда девочки зашли поглубже.

Там и вовсе не было волн; море просто вздымалось, подталкивало их кверху и тянуло за собой. Урсула каждый раз крепко цеплялась за руку Памелы. Вода уже доходила ей до пояса. Памела двигалась все дальше, как резная фигурка над водорезом корабля. Вода уже дошла Урсуле до подмышек; она расплакалась и стала тянуть сестру за руку, чтобы остановить.

— Не дергай, а то мы из-за тебя упадем. — Памела обернулась к сестренке и потому не увидела огромную волну, стремительно приближавшуюся к ним.

В мгновенье ока волна накрыла обеих, оторвав их от твердого дна, словно пару невесомых листков.

Урсула чувствовала, как ее затягивает все глубже и глубже, увлекает в открытое море, откуда уже не видно берега. Она перебирала ножками, ища опору. Если бы только она могла нащупать дно, встать и сразиться с волнами, но дна не было, и она уже стала захлебываться, в панике дергаясь всем телом. Должен же кто-то прийти на помощь? Ее непременно должна спасти либо Бриджет, либо Сильви. Или Памела... но где она?

Никто не приходил. Кругом была только вода. Беспомощное сердечко неистово колотилось, как птаха, запертая в груди. Тысячи пчел жужжали в перламутровой ушной раковине. Дыхание иссякло. Тонущее дитя, подстреленная птица.

Наступила темнота.

Снег

11 февраля 1910 года

Когда Бриджет забирала поднос с остатками завтрака, Сильви спохватилась: — Ой, не уноси подснежник. Поставь вот сюда, на тумбочку.

Новорожденную она тоже оставила рядом с собой. В камине полыхал огонь, и ослепительная снежная белизна за окном казалась жизнерадостной и вместе с тем на удивление зловещей. Снег разбивался о стены дома, давил на них тяжестью, хоронил под собой. Домочадцы оказались будто в коконе. Сильви представила, как Хью по дороге домой отважно пробивается сквозь сугробы. Он отсутствовал трое суток — разыскивал свою сестрицу Изобел. Вчера (а кажется, что уже давным-давно) из Парижа пришла телеграмма, в которой говорилось: «ДИЧЬ УХОДИТ ТЧК ПРОДОЛЖАЮ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ТЧК». А ведь Хью никогда не увлекался охотой. Сильви понимала: надо ответить. Но что бы такое написать? Что-нибудь интригующее. Хью любит загадки. «НАС БЫЛО ЧЕТВЕРО ТЧК ТЫ УЕХАЛ ЗПТ НАС ВСЕ РАВНО ЧЕТВЕРО ТЧК» (миссис Гловер и Бриджет не в счет). Или нечто более прозаическое: «РОДИЛА ТЧК ВСЕ ХОРОШО ТЧК». Так ли это? Разве все хорошо? Малышка чудом не умерла. От удушья. А вдруг с ней не все хорошо? Ночью они одержали верх над смертью. Теперь Сильви ждала, что смерть им отомстит.

В конце концов ее сморил сон. Ей приснилось, будто они переехали в новый дом и в незнакомых ком-

натах не могут отыскать детей: зовут их по именам, хотя она знает, что они исчезли навсегда, безвозвратно. Проснувшись она в ознобе и, к своему облегчению, увидела, что дитя по-прежнему лежит рядом, на необъятном снежном поле кровати. Малышка. Урсула. На случай рождения мальчика у Сильви тоже было готово имя: Эдвард. Выбор имен оставался за ней; Хью, можно подумать, не заботило, кого как будут звать, хотя Сильви подозревала, что его терпение может лопнуть. Например, от такого имени, как Шахерезада. Или Гвиневера.

Урсула, открыв свои млечные глазки, словно разглядывала усталый подснежник. *Колыбель повесь на ветку*, замурлыкала Сильви. Как тихо было в доме. И как обманчива бывает тишина. Можно все потерять в одно мгновение. За один шаг.

— Нужно всеми силами гнать от себя черные мысли, — сказала она Урсуле.

Война

Июнь 1914 года

Установив на песке мольберт, мистер Уинтон — Арчибальд — приступил к морскому пейзажу в размытых сине-зеленых тонах: берлинская лазурь, кобальтовая синь, виридиан и богемская земля. В вышине — пара условных чаек, а небо практически неотлично от морских волн. Он уже представлял, как по возвращении домой будет пояснять: «Живопись в стиле импрессионистов».

Мистер Уинтон, холостяк, старший делопроизводитель на бирмингемской фабрике по производству булавок, был не чужд романтики. Вступив в клуб велосипедистов, он каждую субботу уезжал как можно дальше от городского смога, а недельный отпуск проводил у моря, чтобы вдохнуть целительный воздух и в то же время ощущать себя художником.

Для оживления и «динамики» в пейзаж можно было бы ввести пару фигур, как советовал ему преподаватель (мистер Уинтон занимался в изостудии). Да хотя бы этих двух девчушек, заигравшихся у кромки воды. Их лица удачно скрывали панамки — мастерством портрета мистер Уинтон пока владел не в полной мере.

— Иди сюда, будем перепрыгивать через волны,
— распорядилась Памела.

— Ой, — растерялась Урсула.

Памела схватила ее за руку и потащила в воду: —

Не трусь.

С каждым шагом Урсула паниковала все сильнее, и в конце концов ее сковал настоящий ужас, но Памела только смеялась и, поднимая брызги, двигалась дальше. Урсула попыталась выдумать что-нибудь особенное — карту спрятанных сокровищ, человека со щенком, — что угодно, лишь бы заставить сестру вернуться на берег, но было слишком поздно. Огромная волна взвилась у них над головой — и обрушилась, увлекая их все глубже и глубже в пучину вод.

Сильви была поражена, когда, подняв глаза от книги, увидела направлявшегося к ней незнакомца, который нес под мышками ее дочерей, как пару гусят или кур. Девочки, мокрые до нитки, заливались слезами.

— Далековато зашли, — сообщил незнакомец. — Но ничего, оклемаются.

В отеле, выходящем окнами на море, незнакомо-го спасателя — мистера Уинтона, делопроизводителя («старшего»), — угостили чаем с пирожными.

— Это самое меньшее, что я могу для вас сделать, — говорила Сильви. — Ваши ботинки безнадежно испорчены.

— Пустое, — скромно отвечал мистер Уинтон.

— Нет-нет, совсем не пустое, — возражала Сильви.

— Рады возвращению? — просиял Хью, встречая их на перроне.

— А ты рад нашему возвращению? — с некоторым вызовом спросила Сильви.

— Дома вас ждет сюрприз, — сообщил Хью.

Сильви терпеть не могла сюрпризов, это все знали. — Угадайте какой, — подначивал Хью.

По общему мнению, это мог быть щенок, однако такая догадка даже близко не стояла к истине: в подвале появилась дизель-генераторная установка. Спустившись гуськом по крутой каменной лестнице, все поглазели на это пульсирующее чудо с рядами стеклянных аккумуляторов.

— Да будет свет! — провозгласил Хью.

Пройдет немало времени, прежде чем они, щелкая-выключателем, перестанут ожидать взрыва. Генератор, естественно, был способен давать только свет. Бриджет надеялась, что ее паровую щетку для чистки ковров заменит пылесос, но для пылесоса напряжение было слабовато.

— И слава богу, — приговаривала Сильви.

Июль 1914 года

Из распахнутых застекленных дверей Сильви наблюдала, как Морис вбивает в землю колья для импровизированной теннисной сетки, круша все вокруг деревянной кувалдой. Для Сильви мальчишки оставались загадкой. Они могли с упоением не один час швыряться камнями или палками, маниакально тащили домой всякий хлам, жестоко разрушали все хрупкое — это никак не вязалось с обликом будущих мужчин.

Шумный говор в прихожей возвестил о прибытии Маргарет и Лили: некогда школьные подруги Сильви, а нынче редкие гости привезли перевязанные яркими лентами подарки для малыша Эдварда.

Маргарет, художница, из принципа не вступала в брак, хотя, по всей видимости, завела себе любовника — этим скандальным подозрением Сильви не поделилась даже с Хью. А Лили примкнула к фабианскому обществу и держалась как суфражистка, но вполне светская, ничем не рискуя из-за своих убеждений. Сильви представила, как настоящих суфражисток бросают в тюрьмы, где подвергают принудительному кормлению через вставленную в горло трубку, и невольно поднесла руку к своей точеной белоснежной шее. Как-то раз муж Лили, Кавендиш (имя, более приличествующее отелю, нежели мужчине), во время скромного вечера с чаем и танцами зажал Сильви в углу, навалился на нее своим козлиным, пропахшим сигарами туловищем и сделал ей такое возмутительное предложение, от которого ее до сих

пор бросало в жар.

— Ах, какой воздух! — воскликнула Лили, когда Сильви повела их в сад. — Сельская идиллия.

Они ворковали над коляской, как горлицы (точнее, как голубки — менее значительный вид), и расхваливали новорожденного, не забывая отметить и стройную фигурку Сильви.

— Я позвоню, чтобы подавали чай, — утомившись, объявила Сильви.

У них был пес. Крупный, тигрового окраса французский мастиф по кличке Боцман.

— Так назвал свою собаку Байрон, — говорила Сильви.

Урсула понятия не имела, кто такой этот загадочный Байрон, но он, по крайней мере, не порывался забрать у них собаку. У Боцмана была мягкая, обвислая, бархатистая кожа, которая перекатывалась под пальчиками Урсулы, а его дыхание обдавало ее запахом баранины, которую с отвращением варила для него миссис Гловер. Отличный пес, повторял Хью, надежный, вытащит тебя хоть из огня, хоть из воды.

Памела обряжала Боцмана в старый чепчик и шаль, изображая из него своего ребенка, даром что у них в семье теперь был настоящий ребенок, мальчик Эдвард. Все называли его Тедди. Мама, похоже, сама удивилась, когда в доме появился этот малыш.

— Откуда он взялся — ума не приложу. — Сильви зашлась похожим на икоту смехом.

Она сидела на лужайке вместе с двумя гостями, «знакомыми еще по Лондону», которые приехали полюбоваться новорожденным. Все три дамы, в красивых летних нарядах и широкополых соломенных шляпках, располагались в плетеных креслах, попивали чай и лакомились кексом, который миссис Гловер испекла с добавлением хереса. Держась на почтительном расстоянии, Урсула с Боцманом сидели на траве и надеялись поживиться крошками.

Морис наконец-то управился с сеткой и теперь без особого рвения учил Памелу играть в теннис. Урсула сосредоточенно плела Боцману венок из ромашек своими коротковатыми, неловкими пальчиками. У Сильви пальцы были длинные, изящные, как у художницы или пианистки. Она играла («Шопена») на рояле в гостиной. Иногда после пятичасового чая они пели хором, но Урсула никак не могла попасть в такт. («Ну и тупица», — злился Морис.) «Без ученья нет уменья», — приговаривала Сильви. Когда она откидывала крышку рояля, оттуда пахло, как из старого чемодана. Урсула сразу вспоминала бабушку Аделаиду, которая всегда ходила в черном и потягивала мадеру.

Новорожденный лежал под раскидистым буком в просторной коляске. Это великолепное транспортное средство послужило им всем, но ни один не помнил в нем себя самого. С капюшона коляски свисал серебристый игрушечный заяц, а малыш уютно свернулся под одеяльцем, «которое вышивали монахини», — никто никогда не объяснял, что это были за монахини и почему они взялись вышивать

маленьких желтых утят.

— Эдвард, — произнесла одна из подруг Сильви.
— Тедди?

— Урсула и Тедди. Мои медвежата, — сказала Сильви и зашлась икающим смехом.

Урсула не поняла, при чем тут медвежата. Собачкой и то лучше быть. Перевернувшись на спину, она уставилась в небо. Боцман шумно зевнул и растянулся рядом. Голубое небо пересекали неугомонные ласточки. До слуха Урсулы доносились легкие позвякивания чашек о блюда, скрежет и кашель газонокосилки, с которой управлялся на соседском участке садовник Старый Том, а ноздри щекотал перечно-сладкий аромат садовых гвоздик, смешанный с дурманом свежескошенной травы.

— Ах, — выдохнула одна из лондонских подруг Сильви, вытягивая ноги и демонстрируя стройные лодыжки, обтянутые белыми чулками. — Долгое, жаркое лето. Восхитительно, правда?

Умиротворение нарушил обозленный Морис, который швырнул ракетку на газон, да так, что она подскочила и упала с жалобным стоном.

— Не могу я ее научить — она же девчонка!

С этими словами Морис ринулся в кусты и начал крушить ветви палкой — в собственном воображении он перенесся в джунгли и размахивал мачете. В конце лета его ждал отъезд в школу-пансион. Именно там в свое время учился Хью, а еще раньше — его отец. («И так далее, вплоть до Норманнского завоевания», — говорила Сильви.) Хью утверждал, что это

«подготовит Мориса к жизни», но, по мнению Урсулы, брат и без того был готов к чему угодно. Хью рассказывал, что на первых порах каждую ночь плакал, и тем не менее жаждал подвергнуть сына той же пытке. Морис, выпячивая грудь, заверял, что уж он-то плакать не станет.

(«А с нами что будет? — в тревоге спрашивала Памела. — Нас тоже отправят в пансион?»)

«Если не будете разбойничать, никуда вас не отправят», — смеялся в ответ Хью.)

Раскрасневшаяся Памела, сжав кулачки, уперлась ими в бедра и прокричала в равнодушно удаляющуюся спину Мориса: «Ну и свинья же ты!» «Свинья» прозвучало в ее устах как донельзя бранное слово. На самом-то деле свинки бывали очень даже славными.

— Памми, — мягко упрекнула Сильви, — здесь тебе не рыбная лавка.

Урсула придвинулась чуть ближе к расположению-кекса.

— Подойди-ка сюда, — обратилась к ней одна из женщин, — дай на тебя посмотреть.

Тут Урсула собралась улизнуть, но Сильви решительно пригвоздила ее к месту.

— А она миленькая, правда? — сказала гостья. — На тебя похожа, Сильви.

— Разве рыбы сидят на лавке? — спросила у матери Урсула, и гостья рассмеялись мелодичным, искристым смехом.

— Какое уморительное создание, — выговорила

одна из них.

— Да, она ужасно смешная, — сказала Сильви.

— Да, она ужасно смешная, — сказала Сильви.

— Дети, — изрекла Маргарет, — всегда забавны, верно?

Не просто забавны, а намного более того, подумала Сильви, но как растолковать бездетной женщине всеохватность материнства? Рядом с подругами своего краткого девичества, прерванного спасительным замужеством, Сильви чувствовала себя умудренной опытом главой целого рода.

Тут появилась Бриджет и начала составлять чайную посуду на поднос. По утрам она ходила в полосатой ситцевой хламиде для работы по дому, а ближе к вечеру надевала строгое черное платье с белым воротничком и белыми манжетами, белый фартук и шапочку. Раньше она служила судомойкой, но теперь получила повышение. Когда Элис собралась под венец и взяла расчет, Сильви наняла в деревне косенькую тринадцатилетнюю Марджори, чтобы поручить ей всю черную работу. («А эти две не управятся? — мягко осведомился Хью. — Бриджет и миссис Г.? У нас ведь не дворец».

«Нет, не управятся», — ответила Сильви; на том и порешили.)

Для Бриджет шапочка оказалась великовата и постоянно сползала на глаза. Вот и сейчас, шагая к дому по лужайке, Бриджет вдруг споткнулась оттого, что на миг ослепла по милости этой шапочки; балаганного

падения чудом удалось избежать, и все потери свелись к серебряной сахарнице и щипцам, которые взмыли в воздух, разбрасывая вокруг кусочки сахара, будто слепые игральные кости. При виде такого конфуза Морис чуть не лопнул со смеху, и Сильви сказала: «Не глупи, Морис».

Она смотрела, как Боцман и Урсула подбирают рассыпанные кусочки сахара: Боцман — большим розовым языком, а Урсула — благовоспитанно, капризными щипцами. Боцман глотал сахар торопливо, не разгрызая. Урсула подолгу сосала каждый кусочек. Сильви подозревала, что Урсуле на роду написано быть белой вороной. В родительской семье Сильви была единственным ребенком, и сложные отношения между собственными детьми часто внушали ей тревогу.

— Приезжай в Лондон, — ни с того ни с сего сказала Маргарет. — Погостишь у меня пару дней. Мы чудесно проведем время.

— А дети? — растерялась Сильви. — Тем более у меня маленький. Не могу же я их оставить.

— А почему, собственно? — встряла Лили. — Разве нянюшка не справится?

— Нянюшки у нас нет, — ответила Сильви.

Тут Лили обвела глазами сад, будто надеясь высмотреть няню среди цветущих гортензий.

— Да и зачем она мне? — добавила Сильви. (Или воздержалась?)

Материнство стало ее обязанностью, ее судьбой. За неимением другого (а чего еще желать?) — ее жиз-

нюю. Сильви прижимала к груди будущее Англии. Не так-то просто найти себе замену, если, конечно, твое отсутствие хоть чем-нибудь отличается от присутствия.

— Я ведь кормлю грудью, — продолжила Сильви.

Женщины потеряли дар речи. Лили невольно положила руку себе на грудь, словно защищая ее от посягательств.

— Так заведено от Бога, — сказала Сильви, хотя с утратой Тиффина утратила и веру в Бога.

Ей на помощь пришел Хью. Размашистым, целеустремленным шагом он пересек лужайку, весело спросил: «Ну, что тут у вас?» — подхватил на руки Урсулу и стал подбрасывать ее в воздух, но она поперхнулась куском сахара. С улыбкой обернувшись к Сильви, он сказал:

— Твои подруги. — Как будто она забыла, кто они такие. — Вечер пятницы, — Хью опустил Урсулу на траву, — труды дневные подошли к концу, и солнце, как я вижу, вот-вот скроется за изгородью. Не желаете ли, прекрасные дамы, перейти от чая к чему-нибудь покрепче? К джину со специями, например?

Хью, у которого было четыре сестры, в обществе женщин чувствовал себя свободно. Одного этого хватало, чтобы завоевывать их симпатии. Сильви знала, что ему свойственно не флиртовать, а опекать, но порой задумывалась, куда может завести такой успех. А возможно, уже завел.

Мориса и Памелу удалось примирить. Сильви поручила Бриджет перенести столик на небольшую,

но удобную веранду, чтобы дети поужинали на воздухе: гренки с икрой сельди и какая-то розовая масса, колыхавшаяся от малейшего движения. Это зрелище вызвало у Сильви приступ дурноты.

— Детский стол, — любовно произнес Хью, наблюдая за ужином своего потомства. — Австрия объявила войну Сербии, — продолжил он светским тоном, и Маргарет сказала:

— Как же это глупо. В прошлом году я ездила на выходные в Вену — там было изумительно. Отель «Империял» — знаете, наверное?

— Понаслышке, — ответил Хью.

Сильви знала не понаслышке, но промолчала.

День подернулся прозрачной паутиной. Сильви, легко покачиваясь в алкогольном тумане, вдруг вспомнила о роковом пристрастии отца к дорогому коньяку, хлопнула в ладоши, будто убивая надоедливую мушку, и воскликнула: «Дети, спать пора!» — после чего стала смотреть, как Бриджет неуклюже толкает по траве тяжелую коляску. У Сильви вырвался вздох, и Хью помог ей подняться с кресла, а потом потрепал по щеке.

Она распахнула настежь крошечное оконце верхнего света в спальне малыша. Эту комнату называли детской, хотя она представляла собой не более чем закуток под стрехой, совершенно не подходящий для новорожденного, потому что летом там было душно, а зимой холодно. Как и Хью, Сильви

считала, что детей нужно закалять с малых лет, дабы впоследствии они могли противостоять ударам судьбы. (Потеря чудесного дома в Мэйфере, любимого пони, веры во всеведущего Господа.) Устроившись в особом кресле с бархатным чехлом на пуговицах сзади, она кормила Эдварда.

— Тедди, — любовно нашептывала она, пока ребенок сосал грудь, причмокивал и, насытившись, потихоньку засыпал.

Больше всего Сильви любила своих детей в младенчестве, когда они еще гладенькие и чистые, как розовые подушечки на лапках котенка. Но этот малыш был необыкновенным. Она поцеловала его в пушистое темечко. В воздухе плыли какие-то слова.

— Все хорошее когда-нибудь кончается, — говорил Хью, сопровождая Лили и Маргарет в дом, к накрытому столу. — Полагаю, миссис Гловер, поэтическая натура, запекла нам электрического ската. Но прежде не угодно ли вам осмотреть мою дизель-генераторную установку?

Дамы щебетали, как глупышки-школьницы.

Урсулу разбудили восторженные крики и аплодисменты.

— Электричество! — услышала она возглас одной из материнских подруг. — Какое чудо!

Спала она в мансарде, в одной комнате с Памелой. У них были одинаковые кровати, разделенные лоскутным ковриком и прикроватной тумбочкой. Памела во сне закидывала руки выше головы и часто вскрики-

вала, как от укола булавкой (излюбленная пытка Мориса). За стенкой с одной стороны спала миссис Гловер, храпевшая как паровоз, а с другой стороны — Бриджет, которая всю ночь бормотала. Боцман спал у девочек под дверью, ни на миг не теряя бдительности даже во сне. Иногда он тихонько скулил, не то от удовольствия, не то от страданий. В мансарде было тесно и беспокойно.

Позже Урсула проснулась еще раз, когда гости - собрались уходить. («Уж больно чуткий у нее сон», — приговаривала миссис Гловер, словно это было изъяном, который необходимо исправить.) Выбравшись из кровати, Урсула пошлепала босиком к окну. Если бы она залезла на стул и высунула голову, что категорически запрещалось всем детям, то увидела бы, как Сильви и ее подруги идут по лужайке, а платья их мотыльками трепещут в наступающих сумерках. Хью поджидал у задней калитки, чтобы деревенской дорогой проводить дам к полустанку.

Время от времени Бриджет водила детей на станцию встречать отца — тот возвращался с работы поездом. Морис говорил, что, когда вырастет, станет машинистом, а может, исследователем Антарктиды, как сэр Эрнест Шеклтон, который как раз готовился к отплытию в свою великую экспедицию. А может, просто банкиром, как папа.

Хью работал в Лондоне, куда они изредка ездили всей семьей, чтобы вечером чопорно посидеть в гостиной у бабушки, в Хэмпстеде; задира Морис и Памела играли на нервах Сильви, отчего на обратном

пути она вечно пребывала в мрачности.

Когда все ушли и голоса затихли вдалеке, Сильви двинулась через лужайку к дому, а тьма, эта летучая мышь, уже расправляла крылья. Незаметно для Сильви по ее следу деловито трусила лиса, которая вскоре нырнула в сторону и исчезла в кустах.

— Ты слышал? — встрепелась Сильви. Облокотившись на подушку, она читала один из ранних романов Форстера. — Кажется, малыш забеспокоился.

Хью склонил голову набок. На мгновение он стал похожим на Боцмана.

— Ничего не слышу.

Обычно малыш ночью не просыпался. Он был ангелочком. Хотя и не в Царстве Небесном. К счастью.

— Пока что он лучше всех, — сказал Хью.

— Да, этого, пожалуй, оставим.

— Только на меня совсем не похож, — заметил Хью.

— Ты прав, — с готовностью подхватила она. — Ничего общего.

Хью рассмеялся, с чувством поцеловал жену и сказал:

— Спокойной ночи, давай гасить свет.

— Я, наверное, еще немного почитаю.

Однажды душным вечером — дело было через несколько дней — они отправились посмотреть жатву.

Сильви и Бриджет с девочками шли через поля;

Сильви несла малыша: Бриджет соорудила из шали перевязь. «Ни дать ни взять — ирландская крестьянка», — развеселился Хью. Дело было в воскресенье; свободный от жестких оков финансового рынка, Хью лежал в плетеном шезлонге на веранде за домом, держа перед собой, как Псалтирь, «Альманах крикетиста».

Морис умчался сразу после завтрака. В свои девять лет он волен был ходить куда угодно и с кем угодно, хотя предпочитал компанию ровесников. Сильви не имела понятия, чем они занимались, но в конце дня сын всегда возвращался, перепачканный с головы до ног, да еще с какой-нибудь неаппетитной добычей — с банкой червей, дохлой птицей или иссушенным добела черепом мелкого зверька.

Солнце давно начало свой крутой подъем на небо, а они еще только выходили из дому, отягощенные ношей: малыш, корзины для пикника, пляжные шляпы, зонтики от солнца. Боцман, как уменьшенный пони, рысцой бежал рядом.

— Господи, мы как беженцы, — сказала Сильви. — Прямо Исход евреев из Египта.

— Евреев? — переспросила Бриджет, скривив свою невзрачную физиономию.

Тедди всю дорогу спал в импровизированной перевязи, пока они карабкались по ступенькам, перебираясь через каменные ограждения, и спотыкались на разбитой, иссушенной солнцем колее. Бриджет где-то зацепилась подолом за гвоздь и порвала платье, а потом стала жаловаться, что в кровь

сбила ноги. Сильви подумывала снять корсет и бросить его на обочине — интересно, что подумал бы прохожий, завидев такой предмет. На нее внезапно нахлынули неуместные при ярком свете дня воспоминания о том, как Хью во время их медового месяца в Довиле высвобождал ее из шнуровки под доносившиеся из открытого окна крики чаек и быструю перебранку на французском между мужчиной и женщиной. Возвращаясь домой на пароходе, отходившем из Шербура, Сильви уже носила в себе крошечного гомункулуса, из которого впоследствии получился Морис, хотя в ту пору она еще пребывала в блаженном неведении..

— Мэм? — вывел ее из задумчивости голос Бриджет. — Миссис Тодд? Это ведь не *коровы*.

Они сделали остановку, чтобы полюбоваться тягловыми лошадьми Джорджа Гловера, Самсоном и Нельсоном, которые захрапели и стали трясти головами при виде незваной компании. Урсула перепугалась, но Сильви протянула каждому по яблоку, и мощные шайры бархатно-розовыми губами осторожно взяли угощение с ее ладони. Сильви сказала, что их масть называется «серая в яблоках» и что они куда красивее людей, а Памела спросила: «И детей?» — на что Сильви ответила: «Это уж точно» — и засмеялась.

Джордж был занят на уборке урожая. Заметив гостей, он широким шагом направился в их сторону.

— Мэм, — приветствовал он Сильви, сдернув с го-

ловы кепку и вытирая лоб носовым платком, красным в белый горошек.

Руки его до локтей облепили точки мякины. Волосы на руках выгорели на солнце и стали такого же цвета, как мякина.

— Жара, — сказал Джордж, хотя никто в этом не сомневался.

Он посмотрел на Сильви сквозь длинную прядь, которая вечно спадала на его прекрасные голубые глаза. Сильви вроде как зарделась.

Вдобавок к своей собственной провизии, которую составляли сэндвичи с селедочным паштетом, сэндвичи с лимонным джемом, имбирная шипучка и печенье с тмином, они положили в корзину остатки вчерашнего пирога со свиной, которые миссис Гловер послала сыну вместе с баночкой своего знаменитого овощного маринада. Печенье с тмином зачерствело, потому что Бриджет забыла убрать его в жестяную банку и на всю ночь оставила в душной кухне. «Не удивлюсь, если муравьи уже отложили в него яйца», — сказала миссис Гловер. Когда в дороге очередь дошла до этого печенья, Урсула принялась выковыривать и разглядывать бесчисленные зернышки тмина — хотела убедиться, не муравьиные ли это яйца.

Работавшие в поле крестьяне устроили перерыв на обед, подкрепляясь преимущественно хлебом, сыром и пивом. Протягивая Джорджу пирог со свиной, Бриджет вспыхнула и захихикала. Памела шепнула Урсуле, что Морис говорит, будто Бриджет

втюрилась в Джорджа, хотя обе они считали, что Морис — невеликий знаток сердечных дел. Пикник решили устроить прямо у кромки жнивья. Джордж непринужденно развалился на земле, откусывая гигантские куски пирога; Бриджет не сводила с него восхищенного взгляда, словно перед ней возлежал греческий бог; Сильви занималась малышом.

Она отошла в сторону, ища укромное место, чтобы покормить Тедди. Выросшим в Мэйфере девушкам из приличных семей не к лицу присаживаться у живой изгороди, обнажая грудь. В отличие от ирландских крестьянок. Сильви добрым словом поминала пляжный домик в Корнуолле. К тому времени, когда она зашла за кусты, Тедди уже надрылся от крика и воинственно сжимал кулачки, возмущенный несправедливостью этого мира. Не успел он прильнуть к материнской груди, как Сильви, случайно подняв взгляд, заметила Джорджа Гловера, идущего прямо к ней из рощицы. А тот, завидев ее, остановился, как встревоженный олень. Вначале он застыл, а потом, приподняв кепку, выговорил:

— Жара-то не спадает, мэ.

— Да, это так, — резко бросила Сильви, а затем проводила глазами Джорджа, который поспешил в сторону запертой калитки, разрывавшей живую изгородь, что делила поле пополам, и легко перемахнул на другую сторону, как бывалый охотник через низкий плетень.

С безопасного расстояния они смотрели, как огромная жнейка с шумом пожирает пшеницу.

— Гипнотическое зрелище, правда? — сказала Бриджет, совсем недавно выучившая такие слова.

Сильви достала изящные золотые часики, предмет зависти Памелы, и ужаснулась:

— Боже, вы только посмотрите, который час, — хотя никто и не думал смотреть на циферблат. — Нужно возвращаться.

Когда они уходили, Джордж Гловер закричал: «Эй, стойте!» — и с легкостью догнал их, пробежав через поле. Он бережно нес что-то в кепке. Как оказалось, пару крольчат.

— Ой! — воскликнула Памела, едва не заплакав от восторга.

— Брошенные, — уточнил Джорж Гловер. — Посреди поля мыкались. Мать от них сбежала. Возьмите, а? Каждой по одному.

Всю дорогу Памела несла обоих крольчат в подоле фартучка, гордо выставив их перед собой, как Бриджет — чайный поднос.

— Вас не узнать, — сказал Хью, когда они устало входили в садовую калитку. — С огоньком в глазах, обласканные солнцем. Прямо как настоящие селянки.

— Не обласканные, а обожженные, — посетовала Сильви.

Садовник занимался своей работой. Звали его Старый Том («Котов так называют, — сказала Сильви. — Неужели его когда-то звали Молодой Том?»). Трудил-

ся он шесть дней в неделю, попеременно на их участке и на соседском. Соседи, семейство Коул, обращались к нему «мистер Риджли». Какое именование он предпочитал, оставалось загадкой. Дом Коулов мало чем отличался от дома Тоддов, а мистер Коул, как и Хью, служил в банке.

— Иудеи, — говорила Сильви тем же тоном, каким произносила «католики»: будто была заинтригована, но слегка сбита с толку этой экзотикой.

— По-моему, они этим не занимаются, — отвечал Хью.

Урсула только удивлялась: чем «этим»? Вот Памела, например, занималась на рояле — каждый вечер, перед ужином, брэнчала гаммы, которые били по ушам.

От рождения мистер Коул носил другую фамилию, совершенно неудобоваримую — по словам его старшего сына Саймона — для английского слуха. Средний сын, Дэниел, был приятелем Мориса. Хотя их родители не дружили семьями, детям это нисколько не мешало. Саймон, «зубрила» (как отзывался о нем Морис), по понедельникам, вечерами, помогал Морису по математике. Сильви не представляла, как отблагодарить его за этот каторжный труд, — видимо, ее озадачивал еврейский вопрос.

— А вдруг они воспримут мою благодарность как оскорбление? — рассуждала она. — Если предложить ему деньги, родители, чего доброго, решат, что это намек на их пресловутую скупость. Сласти могут

оказаться несовместимыми с их пищевыми ограничениями.

— Да Коулы не практикуют, — стоял на своем Хью. — Они на такие мелочи не смотрят.

— Бенджамин очень даже смотрит, — возразила Памела. — Он вчера птичье гнездо высмотрел.

С этими словами она испепелила взглядом Мориса. Он прибежал, когда они с Бенджамином любовались чудесными, голубыми в коричневую крапинку яичками, выхватил их из гнезда и разбил о валун. Думал, это очень смешно. Памела запустила брату в голову маленьким (ну ладно, средних размеров) камнем. «Получай! — выкрикнула она. — Приятно, когда тебе скорлупу разбивают?» Теперь Морис ходил с глубокой раной и синяком на виске. «Упал», — отрезал он, когда Сильви спросила, как он поранился. Обычно он не упускал случая наябедничать на Памелу, но сейчас на свет мог выплыть его собственный грех, и ему бы здорово влетело от Сильви за разорение гнезда. Когда-то, застукав его за этим занятием, мать надрала ему уши. Сильви твердила, что природу нужно «читать», а не уничтожать, но почитание, как ни прискорбно, было не в характере Мориса.

— Он — Саймон — учится играть на скрипке, верно? — спрашивала Сильви. — Евреи очень музыкальный народ, так ведь? Может, нужно ему ноты подарить или что-нибудь в этом духе.

Эта дискуссия о риске оскорбления иудаизма велась за завтраком. На лице Хью каждый раз

отражалось некоторое удивление оттого, что дети сидят с ним за одним столом. Его самого до двенадцати лет кормили в детской и не допускали за родительский стол. Он был послушным воспитанником деловитой няньки, которая соблюдала у них в Хэмпстеде строгий порядок. А Сильви, наоборот, в детстве ужинала поздно: ей подкладывали шаткую стопку подушек и давали *Canard à la presse*¹⁶; мерцание свечей, отблески столового серебра и родительские беседы навевали на нее дремоту. Детство ее, как она теперь стала подозревать, было не вполне типичным.

Старый Том распахивал двухъярусным плугом канаву, чтобы, как он объяснил, сделать новую грядку для спаржи.

Хью давно отложил «Альманах» и собирал малину, вознамерившись наполнить доверху белую эмалированную миску, хорошо знакомую девочкам: Морис в последнее время держал в ней головастиков, но Памела с Урсулой помалкивали. Налив себе стакан пива, Хью сказал:

— От садовых работ сильная жажда.

И все засмеялись. Кроме Старого Тома.

Миссис Гловер тоже вышла в сад и потребовала, чтобы Старый Том накопал картошки на гарнир к мясу. При виде крольчат она зафыркала:

— Кожа да кости — даже на жаркое не хватит.

Памела ударилась в крик и успокоилась только от глотка отцовского пива.

Они с Урсулой нашли в саду укромное местечко и устроили там гнездо: выстлали дно травой и ватой, украсили опавшими розовыми лепестками и бережно посадили туда крольчат. Памела, у которой был хороший слух, спела им колыбельную, но они и без того спали с той самой минуты, когда Джордж Гловер-вручил их сестрам.

— Наверное, они слишком малы, — сказала Сильви.

Слишком малы для чего? — не поняла Урсула, но Сильви не стала объяснять.

Сидя на лужайке, они ели малину со сливками и сахаром. Поглядев в синее-синее небо, Хью спросил:

— Слышали гром? Приближается сильнейшая гроза, я чувствую. А ты чувствуешь, Старый Том? — Он поднял голос, чтобы было слышно в огороде. Хью считал, что садовнику положено разбираться во всех погодных явлениях.

Старый Том не ответил и продолжал пахать.

— Глухой, — сказал Хью.

— Вовсе нет.

Сильви разминала малину с густыми сливками — получалось очень красиво, похоже на кровь, — и вдруг ей вспомнился Джордж Гловер. Сын земли. Могучие квадратные ладони; великолепные лошади, серые в яблоках, как увеличенные до гигантских размеров лошадки-качалки. А как он раскинулся во время обеда на травянистом пригорке — словно натурщик, с

которого Микеланджело писал Адама для Сикстинской капеллы, разе что тянулся он к очередному куску пирога, а не к руке Спасителя. (Когда отец возил ее в Италию, Сильви поражалась обилию обнаженной мужской плоти, выставленной на всеобщее обозрение под видом искусства.) Она вообразила, как кормит Джорджа Гловера с ладони яблоками, и ее разобрал смех.

— Что такое? — спросил Хью, а Сильви ответила:

— До чего же хорош собой этот Джордж Гловер.

— Значит, его усыновили, — сказал Хью.

Той ночью в постели Сильви отложила Форстера в угоду менее интеллектуальному занятию; разгоряченные конечности сплелись на супружеском ложе, и получился скорее пыхтящий олень, нежели парящий в небе жаворонок. Но она поймала себя на том, что думает не о гладком, жилистом теле Хью, а о больших, мускулистых, кентавровых конечностях Джорджа Гловера.

— Ты сегодня такая... — в изнеможении начал Хью и взгляделся в карниз спальни, будто отыскивая там подходящее слово. — Живая, — закончил он некоторое время спустя.

— Свежий воздух творит чудеса, — сказала Сильви.

С огоньком в глазах, обласканные солнцем, подумала она, уютно погружаясь в сон, но тут в голову непрошено пришел Шекспир: «Дева с

пламенем в очах или трубочист — все прах», и ей вдруг стало страшно.

— А вот наконец и гроза, — сказал Хью. — Выключить свет?

Воскресным утром Сильви и Хью вскочили как ужаленные, заслышав вопли Памелы. Та, проснувшись ни свет ни заря, в радостном волнении потащила сестренку в сад, где они обнаружили, что крольчата исчезли; остался лишь один крошечный пушистый хвостик, похожий на помпон, — белый, в красных пятнах.

— Лисицы, — с некоторым удовлетворением произнесла миссис Гловер. — А чего вы хотели?

¹⁶ Утка под коньячно-кровяным соусом (фр.).

Январь 1915 года

— Слыхали новости? — спросила Бриджет.

Сильви со вздохом отложила в сторону письмо от Хью — несколько хрупких, как сухая листва, страниц. После его ухода на фронт минули считанные месяцы, а она уже не помнила своего замужества. Хью служил капитаном в Легком пехотном полку Оксфордшира и Букингемшира. А не далее как летом он еще служил в банке. Какая нелепость.

От него приходили жизнерадостные, обтекаемые письма («Солдаты — молодцы, они проявляют такую стойкость»). На первых порах солдаты звались у него по именам («Берт», «Альфред», «Уилфред»), но после битвы на Ипре стали просто «солдатами», и Сильви могла только догадываться, какая судьба постигла Берта, и Альфреда, и Уилфреда. Хью никогда не упоминал ни смерть, ни потери; можно было подумать, люди просто выбрались за город, на пикник. («Всю неделю дождь. Под ногами слякоть. Надеюсь, вам больше повезло с погодой, чем нам!»)

— На войну? Ты уходишь на войну? — вскричала Сильви, когда он записался добровольцем, и сама поразилась: до сих пор она ни разу не повысила на него голос. И видимо, напрасно.

Если уж началась война, объяснил ей Хью, он не захочет в будущем оглядываться назад и сознавать, что отсиживался дома, пока другие защищали честь своей страны.

— Возможно, это будет единственное приключение в моей жизни, — сказал он.

— Приключение? — Сильви не поверила своим ушам. — А как же твои дети, твоя жена?

— Но я иду на это ради вас, — ответил он с утонченным видом обиженного, непонятого Тезея; в тот миг Сильви охватила острая неприязнь. — Чтобы защитить родной дом, — упорствовал Хью. — Защитить все, во что мы верим.

— А мне показалось, я слышала слово «приключение», — бросила Сильви, поворачиваясь к нему спиной.

Несмотря ни на что, она все же поехала в Лондон его проводить. Их стиснула огромная, размахивающая флагами толпа, которая горланила так, словно война уже подошла к победному концу. Сильви поразила ярому патриотизму собравшихся на платформе женщин: неужели война не делает женщин пацифистками?

Хью прижимал ее к себе, как юный влюбленный, и только в самый последний момент запрыгнул в эшелон. И сразу растворился среди кишения людей в военной форме. Его полк, решила она. Какая нелепость. Подобно всей этой толпе, муж излучал безграничную, идиотскую жизнерадостность.

Когда паровоз медленно сдвинулся с места, возбужденная толпа с одобрительным ревом стала еще неистовее размахивать флагами, подбрасывая в воздух шляпы и шляпки. Сильви слепо провожала глазами вагонные окна, которые двигались все быстрее и быстрее, пока не слились в одно сплошное пятно. Она так и не высмотрела Хью, а он, как она понимала, не увидел

ее.

Задержавшись на опустевшем перроне, Сильви смотрела вслед черной точке, в которую превратился поезд.

Сейчас она не стала больше возвращаться к письму и взялась за вязанье.

— Новости-то слышали? — не отставала Бриджет.

Она сервировала чайный стол. Сильви хмуро смотрела на вязальные спицы, так и не решив, есть ли у нее желание выслушивать новости из уст Бриджет. В этом ряду нужно было убавить одну петлю на рукаве фасона реглан — Сильви вязала Морису практичный серый джемпер. Теперь все женщины каждую-свободную минуту хватались за вязанье: шарфы и варежки, перчатки, носки и шапки, безрукавки, свитеры — лишь бы мужчины не мерзли.

Миссис Гловер вечерами пристраивалась у кухонной плиты и вязала огромные рукавицы — такие налезли бы на копыта тягловых лошадей Джорджа. Предназначались они, конечно, не для Самсона с Нельсоном, а для их хозяина, который — при каждом удобном случае гордо заявляла миссис Гловер в пику Сильви — ушел на фронт первым. Даже судомойка Марджори поддавалась всеобщему увлечению и после обеда принималась довязывать какую-то вещь, похожую на кухонную тряпку, хотя назвать это вязаньем можно было лишь с большой натяжкой. «Дырок много, шерсти мало», — припечатала миссис Гловер, а потом отвесила девочке подзатыльник и

велела не отлынивать от хозяйственных дел.

Бриджет один за другим выдавала какие-то бесформенные носки — вывязать пятку было ей не по уму — для своего нового возлюбленного. Она «отдала свое сердце» некоему конюху из Эттрингем-Холла; звали его Сэм Веллингтон.

— Старый перечник, ясное дело, — приговаривала она по несколько раз в день, хохоча до упаду над собственной шуткой.

Бриджет посылала Сэму Веллингтону сентиментальные открытки, на которых были изображены парящие в воздухе ангелы, а внизу — плачущие у себя в гостиных женщины за накрытыми синелью столиками. Сильви как-то намекнула Бриджет, что на фронт, видимо, предпочтительнее посылать более жизнерадостные изображения.

На своем убогом туалетном столике Бриджет держала сделанный в фотостудии портрет Сэма Веллингтона. Он стоял на почетном месте, рядом со старым набором, состоящим из щетки для волос и гребня, которые отдала ей Сильви, получив от Хью ко дню рождения несессер с серебряными туалетными принадлежностями.

Прикроватную тумбочку миссис Гловер украшало аналогичное изображение Джорджа. Облаченный в военную форму и робеющий перед объективом, Джордж Гловер, совсем не похожий на Адама из Сикстинской капеллы, вытянулся во фронт на фоне драпировки, напомнившей Сильви побережье Амальфи. Сильви размышляла о том, что все новобранцы

прошли через один и тот же ритуал, дабы подарить на память матери или возлюбленной свою фотографию, — которая для многих так и останется единственной.

— А вдруг его убьют, — говорила Бриджет о своем суженом, — я хоть вспомню, какой он с лица.

У Сильви было множество фотографий Хью. Он тщательно документировал свою жизнь.

Все дети, кроме Памелы, были наверху. Тедди спал в колыбели, а если и не спал, то, во всяком случае, не жаловался. Морис и Урсула занимались неизвестно чем — Сильви не вникала, коль скоро в утренней гостиной царил тишина, изредка прерываемая подозрительным стуком в потолок и доносившимся из кухни лязгом тяжелой утвари: это миссис Гловер выражала свое неудовольствие — то ли войной, то ли неумехой Марджори, то ли всем сразу.

Когда на континенте разгорелись боевые действия, все завтраки, обеды и ужины были перенесены в утреннюю гостиную: обеденный стол в георгианском стиле выглядел недопустимой роскошью в пору военного лихолетья; теперь они обходились небольшим кофейным столиком («Можно подумать, это победу принесет», — фыркала миссис Гловер).

Сильви сделала знак Памеле, и та послушно выполнила беззвучное распоряжение матери: обойти вокруг стола следом за Бриджет и переложить столовые приборы. Бриджет не могла уразуметь, какие предметы сервировки кладутся справа, какие слева, и не различала верх и низ.

Памела вносила свой вклад в поддержку экспедиционных сил тем, что без устали вязала серые шарфы немислимой и ненужной длины. Усидчивость старшей дочери приятно удивила Сильви. Для будущего девочки это очень полезное качество. Сильви, упустив петлю, чертыхнулась, чем напугала Памелу и Бриджет.

— Ну, какие там новости? — с неохотой спросила она.

— Норфолк бомбят с воздуха, — сообщила Бриджет, гордясь своей осведомленностью.

— Бомбят с воздуха? — Сильви подняла голову от вязанья. — Норфолк?!

— Налет дирижаблей, — авторитетно пояснила Бриджет. — Вот что немчура творит. Им все равно, кого убивать. Злыдни. Они в Бельгии детишек пожирают.

— Ну... — Сильви поддела упущенную петлю, — это, видимо, некоторое преувеличение.

Памела застыла, держа в одной руке десертную вилку, а в другой ложку, как будто готовилась к атаке на тяжелый пудинг миссис Гловер.

— Пожирают? — в ужасе переспросила она. — Детишек?

— Нет, — строго одернула ее Сильви. — Не говори глупостей.

Из недр кухни миссис Гловер крикнула Бриджет, и та ринулась на зов. Сильви услышала, как Бриджет, в свою очередь, кричит играющим наверху детям:

— Ужин на столе!

Памела со вздохом умудренной жизнью особы усе-
лась за стол и, безучастно уставившись на скатерть,
проговорила:

— Я скучаю по нашему папе.

— Я тоже, милая, — сказала Сильви. — Ну, не
грусти, сходи за остальными, пусть моют руки.

Под Рождество Сильви собрала для Хью объемистую посылку: обязательные носки и перчатки, связанный Памелой шарф невообразимой длины, а в качестве альтернативы — двухслойное кашне из тонкой шерсти, собственноручно связанное Сильви и окропленное ее любимыми духами, «Ла Роз Жакмино», чтобы муж вспоминал о доме. В ее воображении Хью, доблестный рыцарь, надевал это кашне под доспехи, перед тем как в бою защитить честь прекрасной дамы. Грезы о рыцарстве сами по себе согревали душу, отгоняя темные мысли. Как-то в ветреную пору она отправились с детьми на выходные в Бродстерс; для тепла они надели гетры, безрукавки и вязанные шлемы; по воде до слуха доносился грохот артиллерийской канонады.

В рождественскую посылку положили также кекс с изюмом, испеченный миссис Гловер, жестянку слегка кривобоких мятных пастилок, приготовленных Памелой, сигареты, бутылку хорошего солодового виски и томик стихов — антологию английской поэзии, большей частью пасторальной, не вызывающей слишком сильных переживаний, — а вдобавок маленькую поделку Мориса (самолетик, вырезанный из пробкового дерева) и рисунок Урсулы: синее небо,

зеленая трава и с трудом угадываемая собака. «Боцман», — на всякий случай вывела Сильви по верхнему краю. Дошла ли до Хью эта посылка, она не знала.

Рождество получилось безрадостным. К ним приехала Иззи, которая без умолку трещала ни о чем (точнее, о себе), а потом объявила, что записалась в Добровольческий медицинский отряд и сразу после праздников отбывает во Францию.

— Но, Иззи, — возразила Сильви, — ты же не умеешь ни ухаживать за ранеными, ни стряпать, ни печатать на машинке — ничего путного.

Укор прозвучал более резко, чем ей хотелось, но Иззи, этой кукушке, все было нипочем. («Вертихвостка», — вынесла свой вердикт миссис Гловер.)

— Коли так, — сказала Бриджет, узнав, что Иззи будет служить милосердию, — мы в этой войне и до Великого поста не дотянем.

О своем ребенке Иззи не обмолвилась ни словом. Его усыновили какие-то немцы; по расчетам Сильви, он считался гражданином Германии. Даже странно: немногим младше Урсулы — и уже, по официальным меркам, враг.

Перед Новым годом все дети, один за другим, слегли с ветрянкой. Когда на лице у Памелы проступила первая оспинка, Иззи ближайшим поездом укатила в Лондон. Вот тебе и Флоренс Найтингейл, с досадой сказала Сильви, обращаясь к Бриджет.

Урсула, со своими коротковатыми, неловкими

пальчиками, тоже не осталась в стороне от всеобщей страсти к вязанию. На Рождество она получила в подарок французский набор для рукоделия в форме деревянной куклы по имени *La Reine Solange*; Сильви объяснила, что это означает «королева Соланж», хотя и «сомневалась» в существовании такой исторической фигуры. Королева Соланж была раскрашена в королевские цвета, а на голове у нее красовалась затейливая корона, сквозь которую пропускались шерстяные нити. Урсула оказалась образцовой подданной и все свободное время, которого у нее было хоть отбавляй, посвящала вязанию длинных кривых полос, из которых потом свивала салфетки и кособокие грелки на чайник. («А дырочки где же? Для носика, для ручки?» — недоумевала Бриджет.)

— Чудесно, милая, — хвалила Сильви, разглядывая салфетку, которая лениво, будто спросонья, разматывалась у нее в руках. — Без ученья нет уменя, запомни.

— Ужин на столе!

Урсула не откликнулась. Сидя на кровати, она сосредоточенно прислуживала ее величеству королеве Соланж — пропускала пряжу сквозь корону. «Не выбрасывать же», — сказала Сильви про эту ветхую, с узелками, бежевую шерсть.

Морису пришла пора возвращаться в школу, но из-за ветрянки он задержался дома и переносил болезнь тяжелее, чем все остальные: щеки у него до сих пор оставались рябыми, будто их поклевали птицы.

— Еще с недельку посидите дома, молодой человек, — сказал ему доктор Феллоуз, но в глазах Урсулы старший брат был здоров как бык.

Он метался из комнаты в комнату, томясь от скуки, словно тигр в неволе. Найдя под кроватью домашнюю туфельку Урсулы, стал гонять ее, как футбольный мяч. Потом схватил любимую вещицу Памелы — китайскую статуэтку, изображавшую даму в кринолинах, — и подбросил к потолку, да так, что фигурка с тревожным «дзинь» ударилась о матовое стекло люстры. Выронив из рук вязанье, Урсула в ужасе зажала рот ладошками. Дама в кринолинах мягко приземлилась на стеганое атласное одеяло Памелы, но Морис уже успел схватить оставшуюся без присмотра деревянную королеву и стал кружить с ней по комнате, изображая из нее самолет. Урсула провожала глазами королеву Соланж, за которой тонким хвостиком развевалась торчащая изнутри шерстяная нить.

И тут Морис совершил самый отвратительный поступок. Он распахнул мансардное оконце и, впустив в комнату незваный холод, швырнул деревянную королеву во враждебный мрак.

Урсула без промедления подтащила к окошку стул, забралась на него и высунулась наружу. В омуте света, падавшего из окна, ей удалось разглядеть королеву Соланж, которая застряла в шиферном желобе между двумя скатами крыши.

А Морис уже стал индейцем: с воинственным кличем он прыгал с кровати на кровать.

— Кому сказано — ужин на столе! — более настойчиво прокричала Бриджет с нижней лестничной площадки.

Урсуле было не до них; ее храброе сердечко стучало как молот, когда она протискивалась сквозь мансардное оконце (задача не из легких), твердо решив спасти свою повелительницу. Не успела она поставить ноги в тапочках на обледенелый шифер, как опора заскользила прочь. Со слабым криком Урсула потянулась к вязальной королеве, проносясь мимо, словно на санках, только без санок. Заграждения на крыше не было; ничто не смогло затормозить спуск, и Урсула, разогнавшись, вылетела в объятия черных крыльев ночи. С ощущением стремительности, почти радости, она упала в бездонный воздух — и все закончилось.

Наступила темнота.

Снег

11 февраля 1910 года

Маринованные овощи своим зловещим цветом навели на мысль о желтухе. Доктор Феллоуз перекусывал за кухонным столом в чаду керосиновой лампы. На кусок хлеба с маслом он нанес горки острого овощного маринада, а сверху накрыл ломтем жирной ветчины. У него дома в прохладе кладовой дожидался копченый свиной бок. Свинью он выбрал сам, съездив на ферму: доктор Феллоуз видел перед собой не домашнее животное, а пособие по анатомии — филейная часть, окорок, щеки, грудинка, мощные ноги, пригодные для варки. Плоть. Он задумался о новорожденной, которую вырвал из лап смерти, чикнув хирургическими ножницами. «Чудо жизни», — равнодушно объяснил он неотесанной девчонке-ирландке, служившей в этом доме. («Бриджет, сэръ») — Придется мне здесь заночевать, — добавил он. — Метель.

На уме у него было множество мест, куда более располагающих к ночлегу, чем Лисья Поляна. Что за название? Зачем увековечивать места обитания хитрого зверя? В молодости доктор Феллоуз увлекался псовой охотой на лис. Он стал размышлять, проскользнет ли поутру молоденькая горничная к нему в комнату, неся на подносе чай с гренками. Нальет ли из кувшина в таз горячей воды, чтобы перед жарко натопленным камином потереть ему спину, как десятилетия назад делала его матушка. Доктор Феллоуз был фанатично предан своей супруге, но

мысли его зачастую выходили из-под контроля.

Бриджет, идя впереди с зажженной свечой, проводила его наверх. Пламя то ярко вспыхивало, то начинало отчаянно моргать. Доктор Феллоуз, следуя за костлявым девичьим задом, вошел в холодную гостевую спальню. Горничная зажгла стоявшую на комодке свечку и тут же нырнула в темную утробу коридора, торопливо бросив: — Спокойной ночи, сэр.

Доктор ворочался в холодной постели; маринованные овощи явно пошли не впрок. Он бы дорого дал, чтобы сейчас оказаться дома, рядом с теплым, дородным телом миссис Феллоуз. От этой женщины, которую природа не наделила изысканной внешностью, всегда чуть-чуть пахивало жареным луком. Иногда в этом даже была какая-то приятность.

Война

20 января 1915 года

— Идете вы или нет? — рассердилась Бриджет. Держа на руках Тедди, она остановилась у порога. — Сто раз вам повторять: ужин на столе. — (Тедди заворочался в тисках ее рук. Морис даже бровью не повел: его сейчас занимали тонкости воинственной пляски индейцев.) — Бога ради, Урсула, отойди от окна. А окно-то почему нараспашку? Холодно ведь, околеть можно.

Урсула собиралась слезать за королевой Соланж, чтобы не оставлять ее на пустыре крыши, но отчего-то медлила. Чуть-чуть засомневалась, неловко оступилась, подумала, что крыша очень высокая, а ночь совсем непроглядная. Тут прибежала Памела и объявила: «Мама велела мыть руки и садиться за стол», а за ней подросла Бриджет со своим вечным «Ужин на столе!» — и все надежды на спасение коронованной особы рухнули.

— А ты, Морис, — продолжала Бриджет, — прямо как дикарь.

— Я и есть дикарь, — подтвердил он. — Индеец из племени апачей.

— По мне — будь ты хоть королем готтентотов, да только УЖИН НА СТОЛЕ.

Издав последний боевой клич, Морис с грохотом ринулся вниз по лестнице, а Памела взяла старый сачок для игры в лакросс, привязала его к трости и выудила королеву Соланж из ледяного ущелья.

На ужин была отварная курица. Для Тедди — яйцо в мешочек. Сильви вздохнула. Поскольку они теперь держали кур, это в той или иной мере определяло их стол. Курятник и проволочный вольер устроили на том месте, где до войны предполагалось посадить спаржу. Старый Том больше у них не появлялся, хотя до Сильви доходили слухи, что «мистер Риджли» продолжает работать у их соседей — семейства Коул. Видно, ему все-таки пришлось не по нраву обращение «Старый Том».

— Это наша курочка? — спросила Урсула.

— Нет, милая, — ответила Сильви. — Что ты.

Курятина оказалась жесткой и волокнистой. Стряпня миссис Гловер заметно ухудшилась после того, как Джордж пострадал при газовой атаке. Он до сих пор лежал в полевом госпитале во Франции; когда Сильви спросила, насколько тяжело его состояние, миссис Гловер ответила, что не знает.

— Какой ужас, — сказала тогда Сильви.

А сама подумала: окажись ее собственный сын в беде, да еще на чужбине, она бы тут же бросилась на поиски. Выхаживала бы его, утешала. Ну, возможно, не Мориса, но уж Тедди — непременно. Когда она представила, как Тедди лежит в госпитале, раненый, беспомощный, у нее защипало глаза.

— Мапочка, тебе плохо? — забеспокоилась Памела.

— Вовсе нет, — сказала Сильви, отделяя вильчатую косточку и протягивая ее Урсуле, чтобы та загадала желание, но Урсула сказала, что не умеет. —

Ну, вообще говоря, полагается желать, чтобы все наши мечты сбывались, — пояснила Сильви.

— А сны? — в тревоге спросила Урсула.

— А сны? — спросила Урсула, вспоминая огромную газонокосилку, что преследовала ее всю ночь, и племя индейцев, которые, привязав ее к шесту, стали вокруг и начали целиться в нее из луков.

— Это *наша* курица, правда? — сказал Морис.

Урсула относилась к домашней птице с нежностью: ей нравилось, что в курятнике теплая солома, на которой разбросаны перышки, нравилось шарить под плотными, теплыми куриными животами, чтобы найти такое же теплое яичко.

— Генриеттой звали, правда? — не унимался Морис. — Самая старая. Миссис Гловер давно говорила: пора ей в кастрюлю.

Урсула присмотрелась к содержимому своей тарелки. Генриетта была ее любимицей. Жесткий ломтик белого мяса не давал никаких подсказок.

— Генриетта? — в ужасе взвизгнула Памела.

— Ты ее зарезала? — не отставал Морис от Сильви. — Крови много было?

Несколько раз в курятник забирались лисы. Сильви удивлялась, что куры такие глупые. Не глупее людей, парировала миссис Гловер. А ведь лисы прошлым летом утащили и крольчонка Памелы. Джордж Гловер спас пару крольчат, и Памела устроила для своего гнездышко в саду, а Урсула тогда воспротивилась, унесла своего питомца в комнату и

поселила в кукольном домике, где он учинил разгром да еще оставил на полу свой помет, будто россыпь крошечных лакричных шариков. При виде такого безобразия Бриджет переселила крольчонка в сарай, где тот и сгинул.

На сладкое подали пудинг с джемом и сладкой подливкой; джем был из своей малины, собранной минувшим летом. От лета теперь остались одни мечты, говорила Сильви.

— Детский трупик, — сказал Морис с той жуткой развязностью, какая процветала в школе-пансионе. С набитым ртом он объяснил: — Так у нас в школе пудинг с джемом называется.

— Что за манеры, Морис, — сделала ему замечание Сильви. — И прошу тебя, не говори таких гнусностей.

— Детский трупик? — переспросила Урсула, выронив ложку и в ужасе глядя на свою тарелку.

— Немцы их едят, — мрачно выговорила Памела. — Пудинги? — удивилась Урсула. Все едят пудинги, почему же немцы, хоть и враги, должны быть исключением?

— Да нет, детей, — сказала Памела. — Но только бельгийских.

Сильви рассмотрела белесый пудинг с кровавой прожилкой джема и содрогнулась. Утром у нее на глазах миссис Гловер с безразличием палача перебила Генриетте шею палкой от швабры. А куда денешься, подумала Сильви.

— Нынче война, — сказала миссис Гловер. — И нечего тут рассусоливать.

Памела не собиралась отступаться.

— Скажи, мама, — вполголоса требовала она, — это была Генриетта?

— Нет, солнышко, — отвечала Сильви. — Даю честное слово: это была не Генриетта.

Дальнейшее выяснение истины прервал настойчивый стук в дверь черного хода. Все переглянулись и замерли, будто застигнутые на месте преступления. Урсула ничего не поняла.

— Только бы не дурная весть, — выговорила Сильви.

Ее опасения оправдались. Из кухни донесся душераздирающий крик. Сэм Веллингтон, старый конюх, погиб на фронте.

— Страшная война, — прошептала Сильви.

Памела отдала Урсуле остатки скрученной в четыре нити бежевой мериносовой шерсти, и Урсула пообещала, что королева Соланж в благодарность за свое спасение пожалует Памеле салфеточку под стакан с водой.

Укладываясь спать, они поставили на прикроватную тумбочку даму в кринолинах и королеву Соланж — бок о бок, в знак их доблести перед лицом врага.

Перемирие

Июль 1918 года

День рождения Тедди. Появившегося на свет под знаком Рака. Покрытый тайной знак, сказала Сильви, хотя считала, что все эти гороскопы «сущий вздор». А Бриджет подхватила: «Уж четыре года как», — наверное, в этом был какой-то юмор.

Сильви и миссис Гловер готовили небольшой праздник, «сюрприз». Ко всем своим детям Сильви относилась с теплотой (ну, может быть, к Морису — в меньшей степени), но Тедди она просто боготворила.

Тедди понятия не имел, что у него скоро день рождения: всем велено было помалкивать. Урсула даже не представляла, насколько трудно хранить тайну. Но Сильви знала толк в таких делах. Она распорядилась, чтобы «виновника торжества» на время приготовлений увели гулять.

Памела обиделась, что для нее никогда не устраивали день рождения с сюрпризом, и Сильви сказала:

— А как же, устраивали, ты просто забыла.

Неужели? Не имея возможности это проверить, Памела нахмурилась. А Урсула вообще не представляла, что такое сюрпризы. Прошрое путалось у нее в голове, а не выстраивалось в линию, как у Памелы.

Бриджет скомандовала:

— Все идем гулять.

А Сильви добавила:

— Вот-вот, отнесите миссис Доддс пару баночек джема, хорошо?

Накануне, засучив рукава и повязав голову косынкой, она весь день помогала миссис Гловер варить малиновый джем: ягоды из своего сада укладывались в медные тазы и засыпались сэкономленным сахаром, который выдавался по карточкам.

— Как на военном заводе, — говорила Сильви, наполняя кипящим джемом шеренги стеклянных банок.

— Ой уж, — бормотала себе под нос миссис Гловер.

В этом году они собрали небывалый урожай; Сильви прочитала книги по выращиванию плодово-овощных культур и стала заправской садовницей. Миссис Гловер мрачно твердила, что ягоды сами растут, а за цветную капусту некоторым лучше не братья. Для тяжелых садовых работ Сильви нанимала Кларенса Доддса, друга покойного конюха, Сэма Веллингтона. До войны Кларенс служил помощником садовника в «Холле». Теперь он был комиссован по ранению, и половину его лица скрывала жестяная маска; работать, по собственному признанию, он хотел бы в бакалейной лавке. Урсула впервые столкнулась с ним в огороде, когда он вскапывал грядку под морковь. Стоило ему обернуться, как у нее вырвался непочтительный крик от одного его вида. На маске был нарисован широко распахнутый голубой глаз — под цвет единственного уцелевшего.

— Даже лошади шарахаются, веришь? — сказал он и заулыбался.

По мнению Урсулы, лучше бы он этого не делал: маска не закрывала ему рот. Сморщенные губы

представляли собой диковинное зрелище, как будто их на скорую руку приметали после его рождения.

— Немногим так повезло, — сказал он ей. — Артиллерийский огонь, будь он неладен.

Урсула не поняла, в чем же тут везенье.

Едва над морковной грядкой зазеленели нежные перистые ростки, как Бриджет начала гулять с Кларенсом. К тому времени, как подospel картофель сорта «Король Эдуард», Бриджет и Кларенс объявили о помолвке; у жениха не было денег на кольцо для невесты, и Сильви отдала Бриджет перстенок, который берегла «с незапамятных времен», но не носила.

— Обыкновенная безделушка, невеликой ценности, — сказала она, хотя перстень этот купил ей Хью на Нью-Бонд-стрит к рождению Памелы — и не постоял за цену.

Фотопортрет Сэма Веллингтона отправился в старый деревянный ящик, стоявший в сарае.

— Ни сохранить, ни выбросить, — поделилась Бриджет с миссис Гловер.

— А ты в землю зарой, — посоветовала миссис Гловер, отчего у Бриджет по спине побежали мурашки. — Будет тебе черная магия.

Они направлялись к дому миссис Доддс, нагруженные банками джема и великолепным пурпурным букетом душистого горошка, — Сильви очень гордилась своими достижениями.

— Если миссис Доддс заинтересуется, скажешь: это сорт «Сенатор», — наставляла она Бриджет.

— Не заинтересуется, — ответила Бриджет.

Морис, естественно, с ними не пошел. После завтрака он схватил рюкзак с сухим пайком, оседлал велосипед и на весь день умчался куда-то с приятелями. Урсула и Памела очень мало интересовались делами Мориса, а он и вовсе не интересовался жизнью сестер. Хорошо, что у них был младший брат, Тедди, совершенно другой: верный и преданный, как песик, и такой же заласканный.

Мать Кларенса до сих пор трудилась в «Холле» на «полуфеодальных началах», как выражалась Сильви, и жила на территории поместья, в старой убогой хижине, где пахло затхлой водой и мокрой штукатуркой. Клеевая краска на вечно сыром потолке вздулась опухолями, как от чумы. От чумки в прошлом году умер Боцман; он покоился под бурбонской розой, которую Сильви специально выписала для его могилы.

— Это сорт «Луиза Одь», — сказала она. — Если вам интересно.

Теперь у них была другая собака, вертлявая, помесь грейхаунда и колли; взяли ее щенком и назвали Трикси, но лучше, наверное, было бы дать ей имя Беда, потому что Сильви, завидев ее, со смехом говорила: «Ох, беда моя». Памела сама видела, как миссис Гловер прицельно пнула Трикси тяжелым башмаком; Сильви пришлось «вступиться». Бриджет не разрешила детям взять Трикси к миссис Доддс — сказала, что потом жалоб не оберешься.

— Она не верит, что собаки — хорошие, — объяс-

нила Бриджет.

— Собака — это не предмет веры, — заметила Сильви.

Кларенс встречал их у ворот поместья. Господский дом стоял в нескольких милях оттуда, в самом конце вязовой аллеи. Хозяева, семейство Донт, жили там из поколения в поколение, но со временем стали наезжать все реже — только для того, чтобы открыть какой-нибудь праздник или благотворительный базар и мимолетно почтить своим присутствием ежегодную рождественскую елку в местном клубе. У них была своя часовня, так что в церкви они не появлялись; потеряв на войне троих сыновей, одного за другим, они вообще не появлялись на людях и, можно сказать, удалились от мира.

Жестяное лицо Кларенса («Оцинкованная медь», — поправлял он) приковывало все взгляды. Дети боялись, как бы он случайно не сдернул маску. Снимает ли он ее перед сном? А если Бриджет станет его женой, увидит ли она тот ужас, что скрывается под маской? «Не то страшно, что там есть, — подслушали они, когда Бриджет разоткровенничалась с миссис Гловер, — а то, чего нету».

Миссис Доддс («Старая матушка Доддс», называла ее Бриджет, — можно было подумать, так начинался детский стишок) заварила для взрослых чай; Бриджет потом сказала — «жидкий, что овечья вода». Сама она любила заварку покрепче, «чтоб ложка в ней стояла». Ни Памела, ни Урсула так и не поняли, что такое овечья вода, но звучало это довольно интересно.

Вооружившись половником, миссис Доддс подвинула к себе необъятный эмалированный кувшин и налила детям жирного парного молока, еще теплого, прямо из-под коровы. Урсулу затошнило. «Ишь раздобрилась», — прошипела миссис Доддс сыну, когда ей вручили банки с джемом, а Кларенс упрекнул: «Мама!» Душистый горошек она сунула Бриджет, и та стояла с букетом, как невеста, пока миссис Доддс не прикрикнула: «В воду поставь, тетеха!»

— Коврижку? — предложила мать Кларенса и раздала им тонкие ломтики имбирного пряника, на вид такого же сырого, как ее хибара. — На деток смотреть — душа радуется, — продолжила миссис Доддс, уставившись на Тедди, как на диковинного зверька.

Тедди рос покладистым ребенком: он с охотой соглашался и на парное молоко, и на сырое тесто. Памела, достав носовой платок, вытерла ему молочные усы. Урсула заподозрила, что миссис Доддс на самом-то деле совсем не рада видеть детей и, более того, что отношение к детям у нее такое же, как у миссис Гловер. Но Тедди, конечно, был исключением. К нему все хорошо относились. Даже Морис. Временами.

Заметив у Бриджет новый перстень, миссис Доддс потянула на себя ее палец, как отросток куриной кости-вилочки.

— Рубины с бриллиантами, — определила она. — Цены немалой.

— Да это осколки, — возразила Бриджет. — Обыкновенная безделушка.

Девочки помогли Бриджет убрать со стола, оставив Тедди на попечение миссис Доддс. В судомойне при кухне была большая каменная раковина с насосом вместо крана. Бриджет сказала, что «в графстве Килкенни», где она выросла, воду приходилось носить из колодца. Букет она красиво разместила в старой жестянке из-под апельсинового джема и оставила на деревянной сушильной доске. Когда они вытерли столовые приборы тонким ветхим полотенцем (естественно, влажным), Кларенс предложил им прогуляться по усадьбе и заглянуть в обнесенный стеной сад.

— Нечего тебе туда ходить, сынок, — сказала ему миссис Доддс. — Только расстраиваться.

В стене была старая деревянная дверь. Она подалась не сразу; когда Кларенс навалился на нее плечом, Бриджет даже вскрикнула. Урсула ожидала увидеть чудо: сверкающие фонтаны, террасы, статуи, дорожки, увитые зеленью беседки, бесчисленные цветники, но перед ней открылся запущенный луг, где буйствовали колючие кусты ежевики и чертополох.

— Ага, прямо джунгли, — подтвердил Кларенс. — А раньше был сад и огород; в «Холле» до войны дюжину садовников держали.

Из цветов там виднелись только плетистые розы, вьющиеся по стене; фруктовые деревья сгибались под тяжестью плодов. Сливы гнили прямо на ветках. В

воздухе носились суматошные осы.

— Нынче урожай не собирали, — сказал Кларенс. — У хозяев трое сыновей полегли на этой войне чертовой. Кому теперь пироги со сливами нужны?

— Эй, — одернула его Бриджет. — Не выражайся.

Когда-то здесь была даже оранжерея, но теперь стекол почти не осталось, а из остова торчали увядшие персиковые и абрикосовые деревья.

— Все, к дьяволу, прахом пошло, — сказал Кларенс, и Бриджет опять на него зашикала:

— Не при детях. — Точно так говорила Сильви.

— Столько трудов — псу под хвост. — Кларенс пропустил ее слова мимо ушей. — Хоть плачь.

— Ну, ты ведь можешь получить место здесь же, в «Холле», — предположила Бриджет. — Я уверена, тебя с радостью назад возьмут. Кому какое дело, что у тебя... — Она осеклась и сделала неопределенный жест в сторону его лица.

— Не стану я тут горбатиться, — угрюмо бросил Кларенс. — Богатеям прислуживать. По саду скучаю, да, а по той жизни — нисколько. Прекрасное пленяет навсегда.

— Мы с тобой собственный садик разведем, — сказала Бриджет. — А то еще под огород землю возьмем.

Бриджет, похоже, все время пыталась приободрить Кларенса. По мнению Урсулы, так она готовилась к семейной жизни.

— А в самом деле, почему бы и нет? — проговорил Кларенс без особой радости.

Он подобрал с земли маленькое кислое яблоко-паданец и метнул его, как мяч для игры в крикет при верхней подаче. Яблоко угодило в оранжерею и выбило одно из последних стекол.

— Твою ж мать! — вырвалось у Кларенса; Бриджет замахала на него рукой и зашикала:

— Не при детях.

(«„Прекрасное пленяет навсегда“, — благоговейно произнесла Памела, когда они в тот вечер умывались перед сном едким карболовым мылом. — Кларенс — настоящий поэт».)

По дороге домой Урсула все еще чувствовала аромат душистого горошка, хотя букет остался в кухне у миссис Доддс. Жаль, что такая красота пропадала неоцененной. К этому времени Урсула совершенно забыла о готовящемся домашнем празднике и удивилась не меньше Тедди, когда оказалась в украшенном флажками и лентами коридоре и увидела сияющую Сильви с нарядно упакованным подарком, в котором безошибочно угадывался игрушечный самолет.

— Сюрприз, — сказала Сильви.

11 ноября 1918 года

— Какое печальное время года, — сказала Сильви, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Лужайку толстым слоем покрывала опавшая листва. От лета опять остались одни мечтания. Урсула начала подозревать, что мечтания — это неперемнная часть каждого лета. Старый бук ронял последние листья и уже смахивал на скелет. Перемирие, можно было подумать, внушало Сильви еще больше уныния, чем сама война. («Сколько бедных юношей ушло навсегда. Мир их не вернет».) По случаю великой победы уроки в школе отменили. Невзирая на морозящий дождик, детей отправили гулять. Теперь у них были новые соседи, майор Шоукросс и его жена, и этим промозглым утром дети долго топтались возле живой изгороди, чтобы сквозь зазоры между кустами остролиста разглядеть соседских дочек. Других девочек их возраста в округе не было. У Коулов были только сыновья. В отличие от Мориса, не грубияны, вели себя прилично, никогда не обижали Памелу с Урсулой.

— Кажется, в прятки играют, — доложила Памела, следившая за крыльцом Шоукроссов.

Урсула попыталась просунуть голову между кустами, но злобный остролист расцарапал ей лицо.

— Кажется, наши ровесницы, — отметила Памела. — А вот и для тебя, Тедди, подружка — младшая сестра.

Тедди вздернул брови и сказал:

— Правда?

Тедди любил девочек. Девочки любили Тедди.

— Ой, постойте-ка, там еще кто-то есть, — сказала Памела. — Откуда только они берутся?

— Помладше или постарше? — спросила Урсула.

— Помладше, и тоже девочка. Совсем крошка. На руках у старшей.

Урсула сбилась со счета.

— Пять! — У Памелы захватило дух от этого (видимо, окончательного) итога. — Пять девочек.

В этот миг Трикси умудрилась прошмыгнуть сквозь заросли остролиста, и с другой стороны живой изгороди донеслись радостные возгласы.

— Извините, — Памела повысила голос, — можно забрать нашу собаку?

На обед было отварное мясо в кляре и «королева пудингов».

— Где вы пропадали? — спросила Сильви. — Урсула, у тебя в волосах какие-то веточки. Как у язычницы.

— Это остролист, — объяснила Памела. — Мы к соседям ходили. К Шоукроссам. У них пять девочек.

— Я знаю, — сказала Сильви и начала считать по пальцам. — Герти, Винни, Милли, Нэнси и...

— Беатриса, — подсказала Памела.

— А вас туда звали? — спросила миссис Гловер, поборница приличий.

— Мы дырку в изгороди нашли, — ответила Памела.

— Вот откуда лисицы проклятые шмыгают, —

проворчала миссис Гловер, — из рожи прибегают, чертовки.

От таких выражений Сильви нахмурилась, но ничего не сказала, потому что официально всем надлежало сохранять праздничное настроение. Бриджет и миссис Гловер подняли по паре стаканчиков хереса «за мир». Ни Сильви, ни миссис Гловер не проявляли особого ликования. Хью и Иззи еще не вернулись с фронта, и Сильви говорила, что не будет спокойна, пока Хью не появится на пороге. Иззи всю войну водила санитарную машину, но представить такое было трудно. Джордж Гловер проходил «реабилитацию» в каком-то санатории близ Котсуолдса. Миссис Гловер съездила его навестить, но рассказывать об увиденном отказалась — упомянула только, что Джордж уже не тот, что прежде.

— Думаю, никто из них больше не сможет быть самим собой, — сказала Сильви.

Урсула попыталась представить, каково это — не быть Урсулой, но задача оказалась ей не по силам.

Две девушки из Женской земледельческой армии заменили Джорджа на ферме. Обе, уроженки Нортгемптоншира, тянулись к лошадям, и Сильви сказала: если бы знать наперед, что женщин допустят к Самсону и Нельсону, она и сама могла бы претендовать на это место. Девушки несколько раз приходили к ним пить чай и, к негодованию миссис Гловер, сидели на кухне в грязных сапогах.

Когда Бриджет уже надела шляпку, на пороге черного хода появился Кларенс, который, смущаясь, поздоровался с Сильви и миссис Гловер. «Молодые», как называла их миссис Гловер без намека на будущие поздравления, собирались в Лондон, на торжества по случаю победы. От радостного возбуждения у Бриджет голова шла кругом.

— Может, и вы с нами, миссис Гловер? Знатное гулянье будет, точно говорю.

Миссис Гловер, как недовольная корова, закатила глаза. Из-за эпидемии гриппа она «сторонилась толпы». Ее племянник упал замертво прямо на улице: еще за завтраком был как огурчик, а «в полдень отошел». Сильви сказала, что гриппа бояться не надо.

— Жизнь должна идти своим чередом, — утверждала она.

Бриджет с Кларенсом отправились на станцию, а миссис Гловер плеснула себе еще хереса.

— «Знатное гулянье», фу-ты ну-ты, — фыркнула она.

К тому времени, как на кухню в сопровождении верной Трикси прибежал Тедди и сказал, что ужасно хочет есть, а «про обед, наверное, забыли?», меренги, венчающие «королеву пудингов», опали и засохли. Последняя потеря военного времени.

Они решили дождаться возвращения Бриджет, но не выдержали и уснули за вечерним чтением. Памелу очаровала «Страна северного ветра», а Урсула кое-как осиливала «Ветер в ивах». Любимцем ее стал мистер

Крот. И чтение, и письмо давались ей на удивление тяжело («Без ученья нет уменя, милая»), поэтому она нередко просила Памелу почитать ей вслух. Обе любили волшебные сказки и собрали целую библиотечку Эндрю Лэнга, всех двенадцати цветов, — рождественские и именинные подарки от Хью. «Прекрасное пленяет навсегда», — повторяла Памела.

Шумное возвращение Бриджет разбудило Урсулу, а та, в свою очередь, растолкала Памелу, и сестры на цыпочках спустились в кухню, где развеселая Бриджет и более трезвый Кларенс порадовали их рассказами о гуляньях: как «народу собралось море» и как радостная толпа до хрипоты требовала «Короля! Короля!» (Бриджет охотно изобразила это в лицах), покуда на балконе Букингемского дворца не появился король.

— А колокола-то, колокола, — подхватил Кларенс, — в жизни такого не слыхивал. Все лондонские колокола разом возвестили мир.

— Прекрасное пленяет навсегда, — сказала Памела.

Свою шляпку, вместе со шляпными булавками, а также верхнюю пуговицу блузы Бриджет потеряла в толпе.

— Такая давка была — меня аж от земли подняли, — захлебывалась она.

— Боже, что за гвалт.

В кухне появилась заспанная и совершенно прелестная Сильви, в ажурной накидке, с длинной растрепанной косой во всю спину. Кларенс вспыхнул

и уставился в пол. Приготовив на всех какао, Сильви благосклонно выслушала повторные рассказы Бриджет, но в конце концов новизна этого ночного бдения отступила перед общей сонливостью.

— Завтра как обычно, — сказал Кларенс и отважно чмокнул Бриджет в щеку, прежде чем отправиться к своей матушке.

В общем и целом день выдался необыкновенный.

— Как по-твоему, миссис Гловер очень рассердится, что мы ее не разбудили? — шепотом спросила Сильви, поднимаясь с Памелой наверх.

— Да просто озвереет, — ответила Памела, и они рассмеялись, как заговорщицы, совсем по-женски.

Урсула, вновь заснув, увидела во сне Кларенса и Бриджет. Они бродили по запущенному саду в поисках потерянной шляпки. Кларенс плакал: по здоровой щеке катились настоящие слезы, а на жестяной щеке слезы были нарисованы, как рисуют дождевые капли, сбегаящие по нарисованному окну.

Наутро Урсула проснулась в жару, с ломотой во всем теле.

— Красная как рак, — отметила миссис Гловер, которую Сильви призвала для совета.

Бриджет тоже не могла встать с постели.

— Ничего удивительного, — изрекла миссис Гловер, осуждающе сложив руки под пышной, но неаппетитной грудью.

Урсула боялась, что выхаживать ее станет миссис Гловер.

Дыхание Урсулы, резкое и неровное, будто бы загустело в груди. Мир гремел и перекатывался, подобно морю в гигантской раковине. Перед глазами висела приятная дымка. Трикси запрыгнула к ней на кровать и устроилась в ногах; Памела читала вслух «Красную книгу сказок», но слова, начисто лишённые смысла, пролетали мимо. Лицо Памелы то расплывалось, то приобретало четкие контуры. Пришла Сильви и стала пичкать Урсулу бульоном, но жидкость не лезла в горло, и Урсула выплевывала бульон прямо на постель.

По гравию заскрежетали шины, и Сильви сказала Памеле:

— Наверное, это доктор Феллоуз. — А потом, торопливо поднявшись с кровати, добавила: — Посиди с Урсулой, Памми, но Тедди сюда не впускай, поняла?

В доме было тише обычного. Сильви долго не возвращалась, и Памела сказала: — Сбегаю посмотрю, где мама. Я быстро.

До слуха Урсулы откуда-то доносились ничего не значащие шепоты и крики. Она провалилась в странную, беспокойную дремоту, и тут у ее постели неожиданно возник доктор Феллоуз. Сильви присела на краешек кровати с другой стороны и, взяв Урсулу за руку, сказала: — У нее вся кожа лиловая. Как у Бриджет.

Лиловая кожа — эти слова прозвучали довольно приятно, как «Лиловая книга сказок». У Сильви был непривычный голос: сдавленный, панический, в

точности как в тот раз, когда она увидела рассыльного с почты, спешившего по садовой дорожке, но оказалось, что он всего лишь доставил поздравительную телеграмму от Иззи ко дню рождения Тедди. («Пустышка», — только и сказала Сильви.)

Урсула не могла дышать, но почему-то чувствовала запах маминых духов и слышала ее голос, больше напоминающий летнее жужжанье пчел. От усталости она даже не могла открыть глаза. Потом раздался шорох юбок — это Сильви встала с кровати; вслед за тем стукнула оконная рама.

— Давай немного проветрим, — сказала Сильви, вернулась к Урсуле и прижала ее к своей свежей хлопчатобумажной блузе, от которой уютно пахло крахмалом и розами.

Из окна в тесную мансарду тянуло смолистым запахом костра. Урсула слышала стук копыт, а потом грохот — это угольщик под навесом опорожнял мешки с углем. Жизнь шла своим чередом. Прекрасное пленяло навсегда.

Один вдох, больше ей ничего не требовалось, но он не приходил.

Темнота наступила стремительно — сперва как враг, но потом как друг.

Снег

11 февраля 1910 года

Разбудила доктора Феллоуза дородная женщина с мощными, как у кочегара, бицепсами: она с грохотом опустила чашку с блюдцем на прикроватный столик и раздернула шторы, хотя на улице было еще темно. Он не сразу сообразил, что находится в выстуженной гостевой спальне Лисьей Поляны и что устрашающая особа, которая принесла ему чай, — это кухарка Тоддов. Порывшись в пыльных архивах памяти, доктор Феллоуз так и не вспомнил имя, которое легко слетало у него с языка несколькими часами ранее.

— Миссис Гловер, — представилась она, точно читала его мысли.

— Как же, как же. Мастерица готовить овощи в маринаде.

Голова у него была как будто набита соломой. Он с неловкостью осознал, что лежит под скудными покрывами в одном исподнем. Каминная решетка в его спальне, как он заметил, была холодной и пустой.

— Вас вызывают, — объявила миссис Гловер. — Несчастный случай.

— Несчастный случай? — эхом повторил он. — Что-то с ребенком?

— Фермера бык помял.

Перемирие

12 ноября 1918 года

Урсула, вздрогнув, проснулась. В спальне царила темнота, но где-то внизу слышался шум. Стук закрываемой двери, хихиканье, шарканье ног. Она безошибочно различила пронзительное кудахтанье — смех Бриджет, а также басовитый мужской голос. Бриджет и Кларенс вернулись из Лондона.

Первым порывом Урсулы было выбраться из постели, растолкать Памелу и вместе с ней сбежать вниз, чтобы попросить Бриджет про знатное гулянье, но что-то ее остановило. Пока она лежала, вслушиваясь в темноту, на нее накатила какая-то жуткая волна, неохватная боязнь, предвестница страшного удара. То же самое чувство она испытала перед войной, на побережье Корнуолла, когда Памела увлекла ее за собой в море. Тогда им на помощь пришел совершенно посторонний человек. После того случая Сильви стала водить их в городской бассейн, где давал уроки плавания ветеран Англо-бурской войны, отставной майор, который нагонял на них такого страху своими окриками, что они просто не решились бы пойти ко дну. Сильви часто пересказывала ту пляжную историю как веселое приключение («Героический мистер Уинтон!»), хотя Урсула при этих воспоминаниях до сих пор обмирала от ужаса.

Памела забормотала во сне, и Урсула прошептала «ш-ш-ш». Чтобы только сестра не проснулась. Чтобы они не сбежали вниз. Чтобы только не увидели Брид-

жет. Откуда взялись такие запреты, откуда пришел этот кошмарный страх, Урсула не понимала, но сочла за лучшее спрятаться с головой под одеялом. Надежда была лишь на то, что все плохое осталось снаружи, а не у нее внутри. Она решила притвориться спящей, но в считанные минуты никакого притворства уже не потребовалось.

Наутро они завтракали в кухне, потому что Бриджет занемогла и не вставала с постели.

— Ничего удивительного, — без тени сочувствия сказала миссис Гловер, раскладывая по тарелкам кашу. — В котором часу домой приплелась — подумать страшно.

Сильви спустилась по лестнице, неся с собой нетронутый поднос.

— Миссис Гловер, по-моему, Бриджет очень плохо, — сказала она.

— С похмелья, — фыркнула миссис Гловер и принялась разбивать яйца, будто в наказание.

Урсула закашлялась, и Сильви пристально посмотрела на нее.

— Вероятно, придется вызывать доктора Феллоуза, — обратилась она к миссис Гловер.

— К Бриджет, что ли? — переспросила миссис Гловер. — Да у нее здоровье лошадиное. Неровен час, доктор Феллоуз перегар унюхает — он же вас с потрохами съест.

— Миссис Гловер! — Сильви переключилась на такой тон, который использовала в самых серьезных

случаях, когда хотела, чтобы ее услышали (*Не ходите по дому в грязной обуви; никогда не обижайте других детей, даже если они сами виноваты*). — На мой взгляд, Бриджет серьезно больна.

Тут, по всей видимости, до миссис Гловер дошло.

— Будьте добры, присмотрите за детьми, — попросила Сильви, — я позвоню доктору Феллоузу, а затем поднимусь к Бриджет.

— А дети-то в школу пойдут или как? — спросила миссис Гловер.

— Да, конечно, — ответила Сильви. — Впрочем, наверное, нет. Нет... то есть да... пойдут. Вот только правильно ли это?

Она в нерешительности топталась на кухонном пороге, а миссис Гловер проявляла чудеса терпения, дожидаясь окончательного ответа.

— Пожалуй, оставим их дома, на один день, — решила наконец Сильви. — Классы переполнены, и все такое. — С глубоким вздохом она уставилась в потолок. — Только до поры до времени пусть сидят внизу.

Памела, вздернув брови, покосилась на Урсулу. Урсула в ответ точно так же вздернула брови, хотя и не понимала, что именно они с сестрой пытаются этим сказать. Скорее всего, что им не улыбалось весь день оставаться на попечении миссис Гловер.

Им пришлось томиться за кухонным столом, чтобы миссис Гловер сподручнее было «за ними присматривать», а в довершение всего она, невзирая на их яростные протесты, заставила всех достать

учебники и заниматься: Памеле было приказано решать задачки, Тедди — учить азбуку (*В — василек, Д — дождик*), а Урсуле — исправлять свой «ужасающий» почерк. Урсула видела вопиющую несправедливость в том, что ее упрекает за вымученный почерк не кто иной, как персона, которая пишет лишь списки покупок, да и то корявыми буквами (*жир, сажса, бараньи котлеты, английская соль*).

Сама миссис Гловер между тем сосредоточенно подготавливала телячий язык для закладывания под гнет: удалила хрящ и косточку, свернула мякоть рулетом, — наблюдать за этими действиями было куда интереснее, чем выводить «Частые капли дождя падали на смельчака Джима» или «Пятеро волшебников быстро повскакали с мест».

— Вот был бы кошмар — учиться в школе, где такая директриса, — пробормотала себе под нос Памела, сражаясь с уравнениями.

Тут все разом оторвались от своих дел: в саду заливался трелью велосипедный звонок, возвещающая прибытие паренька, служившего подручным в мясной лавке. И для девочек, и для Мориса четырнадцатилетний Фред Смит был предметом неподдельного восхищения. Пылкость девочек проявлялась в том, что они называли его Фредди, а Морис называл его Смити, чем выражал свойское одобрение. Как-то раз Памела заявила, что Морис втюрился во Фреда, и миссис Гловер, которая случайно это услышала, шлепнула проходившуюю-

мимо Памелу сбивалкой для крема. Памела не поняла за что и очень обиделась. Сам Фред Смит уважительно говорил девочкам «мисс», а Морису — «мастер Тодд», но не проявлял к ним ни малейшего интереса. Миссис Гловер называла его «юноша Фред», а Сильви — «подручный мясника», а иногда «этот милый мальчик из мясной лавки», в отличие от его предшественника по имени Леонард Эш, «подлого ворюги», по выражению миссис Гловер, которая застучала его за кражей яиц из курятника. Леонард Эш прибавил себе несколько лет, чтобы уйти на фронт, и погиб в битве на Сомме; «поделом ему», приговаривала миссис Гловер, привыкшая рубить сплеча.

Со словами «здесь ливер» Фред вручил миссис Гловер завернутый в белую бумагу пакет, а затем выложил на деревянную сушильную доску длинную мягкую тушку зайца.

— Пятеро суток висел, чтобы кровь вытекла, миссис Гловер. Красавец.

И даже миссис Гловер, не склонная к похвалам, признала отменное качество дичи: открыв жестяную коробку из-под кекса, она позволила Фреду выбрать в глубине самый большой кругляш овсяного печенья с изюмом.

Положив телячий язык под гнет, миссис Гловер сразу принялась освежевывать зайца — зрелище удручающее и гипнотическое одновременно, и, лишь когда с бедного создания была снята шкурка, все заметили отсутствие Тедди.

— Сходи-ка за ним, — приказала Урсуле миссис Гловер. — А потом дам вам по стакану молока с печенюшкой, хотя, Бог свидетель, вы этого не заслужили.

Тедди любил играть в прятки; когда он не откликнулся на зов, Урсула стала обыскивать его излюбленные укромные уголки: за шторами в гостиной, под обеденным столом, но все напрасно. Тогда она побежала вверх, где располагались спальни.

Следом за ней вверх по ступеням полетело настойчивое эхо дверного звонка. Добежав до лестничной площадки, она увидела, что в прихожей возникла Сильви, которая впустила в дом доктора Феллоуза. Урсула предположила, что мать все же появилась там не по волшебству, а спустилась по черной лестнице. Доктор Феллоуз и Сильви тревожно зашептались — вероятно, насчет Бриджет, но слов Урсула не разобрала.

У Сильви в комнате (никто уже не вспоминал, что прежде она служила обоим родителям) было пусто. У Мориса (слишком жирно иметь такую просторную комнату человеку, полжизни проводящему в школе-пансионе) тоже. И в гостевой спальне, и во второй гостевой спальне, и в крошечной задней спальне самого Тедди, почти полностью занятой игрушечной железной дорогой, его не было. В ванной комнате, в бельевом шкафу — никого. Под кроватями, в платяных шкафах тоже; не было его и под большим пуховым одеялом Сильви, где Тедди — это был его

коронный трюк — замирал неподвижно, как покойник.

— Тедди, внизу на столе пирог, — объявила она пустым комнатам.

Обещание пирога (правдивое или ложное) обычно выманивало Тедди из любого укрытия.

Урсула побрела по темной, узкой деревянной лестнице в мансарду; на первых же ступенях ее кольнул безотчетный страх. Она не понимала, откуда он взялся и почему.

— Тедди! Тедди, где ты? — Урсула хотела закричать, но могла говорить только шепотом.

Не оказалось его ни в их с Памелой комнатке, ни в бывшей комнате миссис Гловер. Ни в чулане, что некогда служил детской, а теперь принял на хранение сундуки и коробки с игрушками и старой одеждой. Необследованной оставалась лишь каморка Бриджет.

Дверь была приоткрыта, и Урсула, едва шевеля ногами, подошла к порогу. Что-то страшное ожидало за этой дверью. Урсула не хотела этого видеть, но понимала, что придется.

— Тедди! — При виде брата она испытала большое облегчение.

Тедди сидел на кровати подле Бриджет со своим новым самолетом на коленке.

— Я тебя обыскала, — сказала Урсула.

Лежавшая на полу Трикси при виде Урсулы с готовностью вскочила.

— А я хотел Бриджет развеселить, — сказал Тедди, поглаживая самолетик.

Тедди твердо верил в целительную силу игрушечных поездов и самолетов. (Когда вырастет, он, по собственному заверению, собирался стать летчиком.)

— Бриджет вроде бы спит, а глаза открыты, — сказал он.

И в самом деле. Широко распахнуты и слепо устремлены в потолок. Эти пугающие глаза подернулись водянистой голубой пленкой, а кожа приобрела странный, сиреневатый оттенок. «Кобальтовый фиолетовый» — так назывался похожий цвет в наборе акварельных красок Урсулы. Изо рта Бриджет торчал кончик языка, и на мгновение Урсула вспомнила, как миссис Гловер только что засовывала телячий язык под пресс.

Урсула никогда прежде не видела покойников, но сейчас даже не усомнилась, что Бриджет мертва.

— Слезь с кровати, Тедди, — осторожно выговорила она, словно боясь спугнуть дикого зверька.

Ее затрясло. Не только потому, что Бриджет умерла, хотя это само по себе было ужасно, но еще и оттого, что кругом витала какая-то страшная опасность. Голые стены, тонкое жаккардовое покрывало на железном остова кровати, щетка и гребень с эмалевыми ручками на туалетном столике, лоскутный коврик на полу — вся обстановка вдруг стала неузнаваемой и глубоко враждебной. По лестнице поднимались Сильви и доктор Феллоуз. Голос Сильви звучал тревожно, голос доктора

Феллоуза — скорее безразлично.

На пороге Сильви ахнула:

— Боже праведный! — Она увидела, что рядом с Бриджет находятся дети.

Схватив под мышку Тедди, который еще не успел слезть с кровати, она потащила Урсулу в коридор; от этой суматохи Трикси завиляла хвостом и с готовностью понеслась за ними.

— Иди к себе в комнату, — сказала Сильви дочери. — Нет, ступай к Тедди. Нет, ко мне в спальню. Иди же!

В ее голосе зазвучало неистовство, словно это была вовсе не та Сильви, которую они знали. Бегом вернувшись в комнату Бриджет, она решительно захлопнула за собой дверь.

Теперь до их слуха доносилось только перешептывание Сильви с доктором Феллоузом; в конце концов Урсула сказала: «Пошли» — и взяла Тедди за руку. Он безропотно позволил увести себя вниз, в мамину спальню.

— Ты пирог обещала, — напомнил он.

— У Тедди кожа того же цвета, что у Бриджет, — говорила Сильви.

От ужаса у нее подвело живот. Увиденное не оставляло сомнений. Что до Урсулы — та оставалась просто бледной, хотя у нее потемнели веки, а кожа приобрела странный, нездоровый блеск.

— Гелиотропный цианоз, — определил доктор Феллоуз, измеряя пульс Тедди. — Видите, на щеках

появилась красно-бурая сыпь. К сожалению, это наиболее тяжелая форма.

— Прекратите, умоляю, прекратите, — зашипела на него Сильви. — Избавьте меня от ваших лекций. Я вам не студентка, я их мать!

Как же сильно она сейчас ненавидела доктора Феллоуза. Бриджет лежала наверху, еще теплая, но уже недвижимая, как надгробная плита.

— Это вирус, — беспощадно продолжал доктор. — Вчера ваша горничная поехала в Лондон и там затесалась в толпу — простейший способ подхватить инфекцию. Заболевание распространяется мгновенно.

— Только не на этого. — Сильви неистово сжимала ручонку Тедди. — Только не на моего ребенка. Не на моих детей, — исправила она сама себя, потянувшись к Урсуле, чтобы положить ладонь на ее горящий лоб.

В дверях замаячила Памела; Сильви прогнала ее резким окриком. Памела заплакала, но Сильви было не до слез. Она оставалась один на один со смертью.

— Должен же быть какой-то выход, — обратилась она к доктору Феллоузу. — Что мне теперь делать?

— Молиться.

— Молиться?

Сильви не верила в Бога. Библейское божество представлялось ей несуразным и мстительным (Тиффин и все прочее), не более реальным, чем Зевс или великий бог дикой природы Пан. Следуя традиции, она по воскресеньям ходила в церковь, но свои еретические мысли держала в тайне от Хью. А

куда денешься — и так далее. Однако же сейчас она молилась, истово, хотя и без веры, подозревая, что разницы не будет.

Когда у Тедди из ноздрей показалась сукровичная пена, похожая на «кукушкины слюнки», Сильви вскрикнула, как раненый зверь. За дверью подслушивали миссис Гловер и Памела: в этот редкий миг единения они держались за руки. Сильви выхватила Тедди из кровати, прижала к груди и завывала.

Боже милостивый, подумал доктор Феллоуз, приличная женщина, а голосит, как дикарка.

Дети вспотели, запутавшись в льняных простынях-Сильви. Тедди раскинулся поперек подушек. Урсула хотела его обнять, но брат весь горел, и она довольствовалась тем, что взяла его за щиколотку, словно боялась, как бы он не сбежал. Легкие Урсулы наполнились чем-то вязким: она вообразила, что это заварной крем — густой, желтый, приторный.

К ночи Тедди не стало. Урсула поняла это в один миг, нутряным чутьем. Она услышала единственный сдавленный стон матери, а потом кто-то поднял Тедди с кровати; хотя ее брат был еще маленьким, Урсуле показалось, что от нее убрали нечто очень тяжелое, и она осталась в постели одна. До ее слуха доносились сдавленные рыдания Сильви, такие страшные, словно ей отрубили руку или ногу.

Каждый вдох утрамбовывал гущу в легких Урсулы. Мир затухал, и ее взбудоражило смутное

ожидание: как будто близился какой-то праздник или ее день рождения, но тут черной летучей мышью нагрянула ночь и унесла ее на своих крыльях. Еще один, последний, вдох — и всё.

Наступила темнота.

Снег

11 февраля 1910 года

Сильви зажгла свечу. Зимняя тьма; маленькие дорожные часы на каминной полке показывали пять утра. Эти дорожные часики английской работы («Гораздо лучше французских», — поучала ее мать) были в числе родительских подарков ко дню свадьбы. После смерти светского портретиста в дом нагрянули кредиторы, и вдова спрятала часы под юбками, сокрушаясь, что кринолины вышли из моды. Когда у Лотти под нижним бельем звякнуло четверть часа, кредиторы слегка растерялись. К счастью, когда пробило час, в комнате никого не оказалось.

Новорожденная спала в колыбельке. Сильви почему-то вспомнила слова Кольриджа: «Мое дитя спит мирно в колыбели...» Что это за стихотворение?

Огонь в камине угас, и только крошечный язычок пламени танцевал на угольях. Малышка захныкала; Сильви осторожно выбралась из постели. Мука мученическая — произвести на свет ребенка. Доведись ей самой создавать род человеческий, она бы устроила все совершенно иначе. (Для зачатия — золотой луч света в ухо, а девять месяцев спустя — разрешение от бремени через какой-нибудь скромный ход.) Расставшись с теплом кровати, она вынула Урсулу из колыбели. А потом, среди снежного безмолвия, ей вдруг почудилось тихое конское ржание, и в душе пробежал слабый электрический разряд удовольствия от этого неправдоподобного звука. Поднеся Урсулу к окну, она раздвинула тяжелые шторы ровно

настолько, чтобы выглянуть на улицу. Снег преобразил знакомую местность; мир укрылся белым покровом. А внизу открывалось фантастическое зрелище: по зимнику ехал без седла на одном из своих огромных шайров (на Нельсоне, если она не ошибалась) Джордж Гловер. Выглядел он бесподобно, как герой древнего эпоса. Задернув шторы, Сильви решила, что переживания прошлой ночи не прошли бесследно для ее головы и вызвали галлюцинации.

Она взяла Урсулу к себе в постель, и малютка завозилась в поисках соска. Всех своих детей Сильви кормила грудью. Стеклянные бутылочки и резиновые-насадки казались ей какими-то противоестественными, хотя временами она и видела себя дойной коровой. Малышка была медлительной и неловкой, она трудно привыкала к новому. Далеко ли еще до завтрака? — изнывала Сильви.

Перемирие

11 ноября 1918 года

«Дорогая Бриджет, я заперлась на ключ и на засов. В деревне орудует шайка грабителей...» Или правильнее будет «гробителей»? Урсула грызла кончик карандаша, пока не превратила его в кисточку. Так и не приняв решения, она зачеркнула «грабителей» и написала «воров». «В деревне орудует шайка воров. Не могла бы ты заночевать у мамы Кларенса?» Для верности она приписала: «И еще у меня болит голова так что не стучи», а затем поставила подпись: «Миссис Тодд». Улучив момент, когда в кухне никого не оказалось, Урсула выскочила на крыльцо и прикрепила записку к двери черного хода.

— Ты что это задумала? — вскинулась миссис Гловер, как только Урсула вернулась в дом.

Урсула вздрогнула: миссис Гловер умела подкрадываться неслышно, точно кошка.

— Ничего, — ответила Урсула. — Выходила посмотреть, не идет ли Бриджет.

— Господи, — сказала миссис Гловер, — она ведь последним поездом вернется, еще не один час до него. А ну, переодевайся и марш в кровать. Развели тут вольницу.

Урсула не знала, что такое вольница, но, видимо, жить там было бы неплохо.

Наутро Бриджет дома не оказалось. Что еще более странно — Памела тоже исчезла. Урсулу переполняло

чувство облегчения — столь же необъяснимое, как паника, заставившая ее написать вчерашнюю записку.

— Вчера вечером кто-то устроил глупый розыгрыш: повесил на дверь записку, — сказала Сильви. — Бриджет не смогла попасть в дом. Знаешь, Урсула, почерк очень похож на твой. Как ты можешь это объяснить?

— Никак, — отважно бросила Урсула.

— Я попросила Памелу сходить к миссис Доддс и привести Бриджет.

— Памелу? — в ужасе переспросила Урсула.

— Ну да, Памелу.

— Памела сейчас с Бриджет?

— Конечно, — подтвердила Сильви, — с Бриджет. Да что с тобой такое, в самом деле?

Урсула выбежала из дому. Сильви что-то кричала ей вслед, но Урсула не останавливалась. За все восемь лет своей жизни она еще ни разу не бегала с такой скоростью, даже когда за ней гнался Морис, чтобы сделать ей «крапивку». Ноги, разбрызгивая слякоть, несли ее по тропе в направлении хижины миссис Доддс; к тому времени, как она завидела Памелу и Бриджет, Урсула была в грязи с головы до ног.

— Что стряслось? — разволновалась Памела. — Что-то с папой?

Бриджет перекрестилась. Урсула бросилась на шею сестре и дала волю слезам.

— Да что такое? Говори! — потребовала Памела, уже охваченная страхом.

— Сама не знаю, — захлебывалась от рыданий

Урсула. — Почему-то я за тебя испугалась.

— Вот глупышка, — любовно сказала Памела, обнимая сестру.

— У меня голова трещит, — вмешалась Бриджет.
— Пойдемте домой.

Вскоре снова наступила темнота.

Снег

11 февраля 1910 года

— Лекарь говорит: чудо, — рассказывала Бриджет, когда они с миссис Гловер за утренним чаем обсуждали пополнение в хозяйской семье.

Чудеса, по мнению миссис Гловер, случались только в Библии, но никак не при родах.

— Надо думать, на троих остановится, — буркнула она.

— А с чего ей останавливаться, коли детки у нее пригожие, здоровенькие, да и нужды ни в чем нет — денег куры не клюют.

Пропустив эти доводы мимо ушей, миссис Гловер тяжело поднялась из-за стола.

— Ладно, пора готовить завтрак для миссис Тодд.

Она достала из кладовой миску, где вымачивала в молоке почки, и начала удалять жирную белую пленку, похожую на околоплодный пузырь. Бриджет взглянула на молоко, белое с красными прожилками, и почувствовала несвойственную ей брезгливость.

Доктор Феллоуз уже позавтракал (бекон, кровяная колбаса, поджаренный в масле хлеб, яичница) и отбыл по вызову. Спозаранку из деревни приходили люди, чтобы вызволить из сугроба его машину, но оказались бессильны; тогда кто-то сбегал за Джорджем, и тот, вскочив на своего битюга, поспешил на помощь. Его матери на мгновение привиделся образ святого Георгия, который был тут же отброшен как глупая блажь. С немалыми усилиями доктора Феллоуза взгромоздили на коня позади сына миссис Гловер, и

они двинулись прочь, вспахивая не землю, а снежную целину.

Фермер, которого помял бык, остался в живых. Родного отца миссис Гловер, молочника, когда-то зашибла корова. Миссис Гловер, совсем юная, но крепкая, еще не повстречавшая мистера Гловера, обнаружила бездыханное тело под доильным навесом. Она заметила кровь на соломенной подстилке и удивленный взгляд коровы Мейси, отцовской любимицы.

Бриджет согрела руки о чайник, и миссис Гловер сказала: — Надо проверить, как там почки. Найди-ка мне цветок для миссис Годд, на поднос поставим.

— Цветок? — растерялась Бриджет, глядя в окно. — В такую метель?

Перемирие

11 ноября 1918 года

— А, это ты, Кларенс, — сказала Сильви, отворяя дверь черного хода. — У Бриджет, к сожалению, случилась небольшая авария. Она споткнулась о порог и упала. Кажется, отделалась растяжением лодыжки, но на праздничные гулянья в Лондон вряд ли сможет поехать.

Бриджет сидела у плиты в кресле с высокой спинкой, которое обычно занимала миссис Гловер. Ее лодыжка покоилась на табурете; Бриджет с чувством поведала о своей драме:

— Подхожу это я к кухонной двери, ага. Белье во дворе развешивала, хотя что мне в голову взбрело — сама не знаю, день давеча дождливый был. И вдруг чувствую: кто-то меня руками в спину — толк. Упала я ничком, боль жуткая. А ручки-то маленькие были, — добавила она. — Ручки призрака-недороста.

— Скажешь тоже, — не выдержала Сильви. — Призраки у нас в доме не водятся, а уж призраки-недоросты тем более. Ты, случайно, ничего не заметила, Урсула? В то время ты как раз гуляла во дворе, правда ведь?

— Да споткнулась она — и все тут, глупая девчонка, — вмешалась миссис Гловер. — Вы же знаете, какая она неловкая. Ладно, нет худа без добра, — с некоторым удовлетворением изрекла она. — Зато не потащишься теперь в Лондон, на свою знатную гулянку.

— Я-то? — возмутилась Бриджет. — Чтоб я такой-

день пропустила? Да ни в жизнь. Подойди-ка сюда, Кларенс. Дай я на твою руку обопрюсь. Уж как-нибудь доковыляю.

Темнота... и так далее.

Снег

11 февраля 1910 года

— Если кому интересно — Урсула.

Миссис Гловер наполняла кашей миски Мориса и Памелы, сидевших за большим деревянным столом в кухне.

— Урсула, — с расстановкой повторила Бриджет. — Красивое имя. А подснежник-то глянулся?

Перемирие

11 ноября 1918 года

Все вокруг почему-то знакомо.

— Это называется «дежавю», — объяснила Сильви. — Обман памяти. Память — это бездонная тайна.

Урсула якобы помнила, как в свое время лежала в коляске под деревом.

— Нет, — возражала Сильви, — человек не может-помнить себя в младенческом возрасте.

Но Урсула-то помнила: листья, как зеленые ладошки, машут ветру; под капюшоном коляски висит игрушечный заяц, он вертится и приплясывает у нее перед глазами. Сильви со вздохом выговорила: — У тебя, Урсула, чрезвычайно живое воображение.

Урсула не знала, можно ли считать это похвалой, но у нее в голове подчас действительно смешивались реальность и вымысел. И еще ужасный страх... страшный ужас... который она носила в себе. Темный пейзаж внутри.

— Не надо об этом думать, — резко оборвала Сильви, когда Урсула решила с ней поделиться. — В голове должны быть только солнечные мысли.

А еще она иногда наперед знала, что человек скажет или что сейчас произойдет (к примеру, кто-нибудь выронит тарелку или запустит яблоком в оранжерейное стекло), как будто все это уже случалось много раз. Слова и фразы отражались эхом; чужаки представляли давними знакомцами.

— У всех порой возникают необычные ощущения,

— говорила ей Сильви. — Помни, милая: только солнечные мысли.

Бриджет оказалась более отзывчивой слушательницей: она объявила, что Урсула обладает «предвидением». Между этой жизнью и следующей, говорила она, есть потайные двери, но только избранным дано в них войти. Урсула не жаждала оказаться в числе избранных.

В прошлом году, рождественским утром, Сильви вручила Урсуле красиво упакованную и перевязанную лентой коробку с неизвестным содержимым и при этом сказала: — С Рождеством тебя, милая.

А Урсула воскликнула:

— Ой, как чудесно: обеденный сервиз для кукольного домика.

И тут же получила нагоняй за то, что сунула нос в рождественские подарки.

— Но я этого не делала, — чуть позже настойчиво повторяла она в кухне, где Бриджет пыталась закрепить белую бумажную гофрировку на усеченных ножках рождественского гуся. (Этот гусь напомнил Урсуле одного человека из деревни, совсем еще молодого, которому в битве при Камбре оторвало обе ступни.) — Я не подсматривала, я просто *знала*.

— Понятное дело, — отвечала ей Бриджет. — Есть, есть у тебя шестое чувство.

Миссис Гловер, сражавшаяся с рождественским пудингом, неодобрительно фыркнула. Она считала, что и пяти чувств человеку многовато, — куда уж еще одно.

После завтрака детей выставили в сад.

— Вот тебе и праздник, — сказала Памела, когда они укрылись под буком от морозящего дождя.

Одна Трикси не унывала. Ей нравилось носиться по саду, особенно когда там расплодились кролики, которые, вопреки проискам лисиц, неизменно воздавали должное огородным грядкам. Еще до войны Джордж Гловер подарил Урсуле с Памелой пару крольчат. Урсула смогла убедить Памелу, что держать их лучше всего в доме; сестры прятали зверьков в комод, что стоял у них в спальне, и кормили из пипетки, которую нашли в домашней аптечке, но в один прекрасный день крольчата выскочили из комода и до смерти перепугали Бриджет.

— *Fait accompli*¹⁷, — сказала Сильви, когда ей предъявили кроликов. — Но в доме их держать нельзя. Попросите Старого Тома — пусть смастерит для них вольер.

Кролики, разумеется, давным-давно сбежали и начали стремительно размножаться. Старый Том разбрасывал по саду крысиный яд, расставлял силки, но все напрасно. («Боже мой, — сказала как-то утром Сильви, увидев из окна, как кролики с аппетитом завтракают на лужайке. — У нас тут как в Австралии».) Морис, который на занятиях по начальной военной подготовке учился стрельбе, во время прошлогодних летних каникул палил в них из окна своей спальни, вооружившись принадлежавшим Хью старым охотничьим ружьем системы «уэстли-

ричардс». Памела так разозлилась, что высыпала ему на простыню его же собственный порошок, вызывающий зуд (Морис регулярно навещался в магазин, где продавались товары для всевозможных розыгрышей). Злой умысел тут же приписали Урсуле, и Памела вынуждена была сознаться, хотя Урсула не отпиралась. Однако Памела, в силу своего нрава, не терпела ни малейшей несправедливости.

Из ближайшего сада доносились голоса — девочкам еще предстояло знакомство с дочерьми новых соседей, Шоукроссов, и Памела сказала: — Пошли, хоть одним глазком посмотрим. Интересно, как их зовут.

«Герти, Винни, Милли, Нэнси и малютка Беа», — перечислила про себя Урсула, но вслух ничего не сказала. Она уже привыкала помалкивать, в точности как Сильви.

Зажав в зубах булавку, Бриджет подняла руки, чтобы поправить шляпку. Она пришла к тулье новый букетик бумажных фиалок — специально по случаю победы. Стоя на верхней площадке, она мурлыкала себе под нос: «Кей—Кей—Кейти». А сама думала о Кларенсе. Когда они поженятся («весной», заверял он, хотя вначале было «к Рождеству»), из Лисьей Поляны она уйдет. Будет у нее свое небольшое хозяйство, будут свои ребяташки.

Лестницы, по словам Сильви, были зонами повышенной опасности. Упадешь — можно и

насмерть разбиться. Сильви запрещала детям играть на верхней площадке.

Урсула подкралась по ковровой дорожке. Сделала бесшумный вдох, а потом выставила перед собой руки, словно собралась остановить поезд, и с силой толкнула Бриджет пониже спины. Дернув головой, Бриджет увидела Урсулу, в ужасе раскрыла рот, вытаращила глаза. И полетела вниз по ступенькам, дрыгая руками и ногами. Урсула едва устояла на месте, чтобы не рухнуть следом.

Без ученья нет уменя.

— Перелом руки, — определил доктор Феллоуз. — Ты ведь все ступеньки пересчитала.

— Как была неуклюжая, так и осталась, — поддакнула миссис Гловер.

— Кто-то меня толкнул, — сказала Бриджет.

У нее на лбу темнел огромный синяк; она прижимала к груди шляпку с безнадежно испорченными фиалками.

— Кто-то? — эхом повторила Сильви. — Кто же? Кто мог столкнуть тебя с лестницы, Бриджет?

Она обвела взглядом все лица:

— Тедди?

Тот зажал рот ладошкой, словно хотел удержать слова у себя внутри.

Сильви повернулась к Памеле:

— Памела?

— Я? — переспросила Памела и в сердцах прижала руки к груди, как святая мученица.

Сильви перевела взгляд на Бриджет; та едва заметным кивком указала на Урсулу.

— Урсула?

Сильви нахмурилась. Урсула с отсутствующим видом смотрела перед собой, словно узница совести, идущая на расстрел.

— Урсула, — сурово повторила Сильви, — что ты на это скажешь?

Урсула совершила злонамеренный поступок: столкнула Бриджет с лестницы. Бриджет запросто могла погибнуть, и тогда Урсула оказалась бы убийцей. Но она знала одно: ей пришлось это сделать. На нее напал все тот же великий страх, и ей пришлось это сделать.

Выбежав из комнаты, она спряталась в одном из тайных закутков, облюбованных Тедди, — в буфете под лестницей. Через некоторое время дверца отворилась, и внутрь проскользнул сам Тедди, который сел рядом с ней.

— Я не верю, что это ты столкнула Бриджет, — проговорил он и нащупал руку своей маленькой теплой ладошкой.

— Спасибо тебе. Но только это и вправду была я.

— Ну и что, я все равно тебя люблю.

Она бы ни за что не вышла из своего укрытия, но над входной дверью звякнул колокольчик, а потом в прихожей возникло какое-то смятение. Тедди выглянул из-за дверцы — разведать, что происходит. Стремительно нырнув обратно, он доложил: — Мамочка целуется с каким-то дядькой. Она плачет. Он

тоже.

Урсула высунула голову, не в силах пропустить такое событие. А потом в изумлении повернулась к брату.

— Это, наверное, папа, — выговорила она.

[17](#) Свершившийся факт (фр.).

Мир

Февраль 1947 года

Урсула переходила через мостовую с осторожностью, чтобы не оступиться на предательских ледяных торосах и трещинах. Тротуары были еще опаснее: они бугрились слежавшимся, несвежим снегом, который прорезали глубокие колеи от саночных полозьев: соседские дети целыми днями бездельничали, поскольку окрестные школы закрылись. О боже, сказала себе Урсула, я стала настоящей брюзгой. Проклятая война. Проклятый мир.

Поворачивая ключ в замке входной двери, она еле держалась на ногах. Никогда еще походы по магазинам не были таким сложным делом, даже в самые тяжелые дни блицкрига. Лицо ее горело от ледяного ветра, ступни онемели от холода. Вот уже месяц температура воздуха не поднималась выше нуля — даже в сорок первом такого не было. Урсула хотела вообразить, как будет когда-нибудь оглядываться на эту морозную пору, и поняла, что не сможет вызвать в памяти свои ощущения. Они были чисто *физическими*: казалось, кости вот-вот растрескаются, а кожа лопнет. Вчера у нее на глазах двое мужчин пытались открыть уличный канализационный люк при помощи какого-то агрегата, похожего на огнемет. Не иначе как оттепель и таяние снега навсегда канули в прошлое; не иначе как наступил очередной ледниковый период. Сначала огонь, потом лед.

Даже неплохо, подумалось ей, что война отучила

ее форсить. Сегодня она надела — именно в такой последовательности, от нательного белья до верхней одежды, — трикотажную майку с короткими рукавами, фуфайку с длинными рукавами, свитер с длинными рукавами, кофту и, наконец, с трудом натянула поношенное зимнее пальто от «Питера Робинсона», купленное за два года до начала войны. Ну и конечно, обычный комплект линиялого белья, толстую твидовую юбку, серые шерстяные чулки, варежки *поверх* перчаток, шарф, шапку и старые материнские сапожки на меху. Горе мужчине, который внезапно воспылил бы к ней страстью. «Все может быть, правда?» — сказала Инид Баркер, служащая секретариата, за чашкой целительного, спасительного чая. Году примерно в сороковом Инид решила попробоваться на роль лихой девчонки из Лондона и с тех пор упрямо не выходила из образа. Урсула в очередной раз упрекнула себя за желчность. Инид была славной девушкой. Она не имела себе равных в оформлении машинописных таблиц; Урсула так и не овладела этим навыком. Стенографию и машинопись она освоила в колледже делопроизводства. Как же давно это было — все, что происходило до войны, казалось теперь древней историей (ее собственной жизни). Она оказалась на удивление способной ученицей. Мистер Карвер, директор колледжа, говорил: она стенографирует настолько профессионально, что вполне может получить квалификацию судебной протоколистки для работы в Олд-Бейли. Если бы она тогда согласилась, у

нее была бы совершенно другая жизнь — возможно, более приемлемая. Впрочем, как знать.

Она тяжело поднималась по неосвещенной лестнице к себе в квартиру. Жила она теперь одна. Милли вышла замуж за американского военного летчика и уехала в штат Нью-Йорк. («Я — военная невеста! Кто бы мог подумать?») Стены лестничной клетки покрывал тонкий слой сажи и какого-то жира. Это был старый дом — и где? В Сохо («А куда денешься?» — так и слышался ей голос матери). Соседка сверху постоянно водила к себе мужчин, и Урсула привыкла к скрипу кровати и другим неприятным звукам, доносившимся сквозь потолок. Но в целом соседка была довольно приветлива, всегда радостно здоровалась и добросовестно подметала лестницу, когда подходила ее очередь.

Этот закопченный дом и прежде наводил на мысли о романах Диккенса, а теперь и вовсе пришел в упадок от недостатка заботы и любви. Да что там, весь Лондон выглядел безотрадно. Копоть и грязь. Ей вспомнилось, как говорила мисс Вулф: «бедный старый Лондон» вряд ли когда-нибудь станет чистым («Повсюду кошмарная *разруха*»). По всей видимости, она была права.

— Непохоже, что мы победили, — сказал Джимми, приехав навестить сестру.

Он щеголял в американском костюме и весь лучился от радужных перспектив. Урсула с готовностью простила младшему брату его заокеанский шик; на войне он хлебнул лиха. Впрочем, то же самое можно

было сказать обо всех, правда? «Долгая и тяжелая война», как и предрекал Черчилль. Насколько же он был прав.

Ее расквартировали здесь временно. У нее хватило бы денег на более приличное жилье, но ей, по правде говоря, было все равно. Одна комната, окошко над раковиной, газовая колонка, общая уборная в коридоре. Урсула до сих пор скучала по той квартирке в Кенсингтоне, которую они снимали вместе с Милли. Их жилище разбомбили во время массированного налета в мае сорок первого. Урсула вспоминала слова песни Бесси Смит: «как лисица без норы», но, несмотря ни на что, вселилась туда снова и несколько недель прожила без крыши. Было холодновато, но выручала туристская закалка, полученная в Союзе немецких девушек, хотя в ту мрачную пору хвалиться подобными фактами биографии не стоило.

Но здесь ее ожидал чудесный сюрприз. Посылка от Памми: упаковочный ящик, а в нем картофель, лук-порей, лук репчатый, огромный кочан изумрудно-зеленой савойской капусты («пленяет навсегда»), а сверху — полдюжины яиц, бережно проложенных ватой и помещенных в старую фетровую шляпу Хью. Не яички, а просто загляденье: скорлупа коричневая, в крапинку, с прилипшими тут и там крошечными перышками. «С любовью — из Лисьей Поляны», гласила наклейка на ящике. От Красного Креста и то не приходили такие посылки. Как же она здесь оказалась? Поезда не ходили, а сама Памела наверняка застряла в снежном плену. И что уж совсем

непонятно: каким образом сестра умудрилась раздобыть для нее эти сезонные деликатесы, когда «земля железа тверже»?

Отперев дверь к себе в комнату, она увидела на полу клочок бумаги. Пришлось надеть очки. Оказалось, — это записка от Беа Шоукросс. «Тебя не застала. Приду еще. Целую, Беа». Урсула пожалела, что они разминулись: в субботний вечер можно было придумать куда более приятное времяпрепровождение, чем слоняться по разгромленному Уэст-Энду. Ее несказанно обрадовал вид капусты. Но этот кочан — ни с того ни с сего, как обычно и случается, — пробудил непрошенные воспоминания о небольшом свертке в подвале на Аргайл-роуд, и Урсула опять помрачнела. Настроение у нее нынче менялось по сто раз на дню. Ради всего святого, не раскисай, одернула она себя.

В квартире, по ощущению, было даже холоднее, чем на улице. Обмороженные участки кожи постоянно болели. Уши мерзли. Она пожалела, что не обзавелась теплыми наушниками, а еще лучше — вязаным шлемом, наподобие тех серых шерстяных масок, в которых Тедди и Джимми когда-то бегали в школу. Как там говорилось в поэме «Канун Святой Агнессы»? Что-то насчет изваяний, которые замерзают в темноте. От одних этих слов у нее всегда пробежал мороз по коже. В школе Урсула выучила всю поэму наизусть; теперь, по всей видимости, ее память была уже не способна к таким подвигам; да и стоило ли тогда мучиться, если сейчас она не сумела вспомнить и

пары строк? Ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы под рукой оказалось норковое манто Сильви, почти не ношенное, похожее на большого добродушного зверя. Манто теперь отошло Памеле. Чтобы свести счеты с жизнью, Сильви выбрала восьмое мая — День Победы в Европе. В то время как другие женщины по крохам собирали праздничное угощение и танцевали на улицах Британии, Сильви легла на кровать, где когда-то спал Тедди, и наглоталась снотворного. Никакой записки она не оставила, но осиротевшие родные ни минуты не сомневались в ее намерениях и мотивах. Поминки за чайным столом в Лисьей Поляне обернулись сущим кошмаром. Памела тогда сказала, что этот поступок не что иное, как малодушие, но Урсула имела на этот счет собственное мнение. Она усматривала здесь поразительную четкость цели. Сильви пополнила собой статистику военных потерь.

— Знаешь, — сказала как-то Памела, — я с ней спорила, когда она твердила, что наука приносит миру один вред, потому что занимается лишь изобретением новых способов уничтожения людей. Но теперь я начинаю думать, что в этом есть определенная правота.

А ведь этот разговор, естественно, произошел еще до Хиросимы.

Урсула включила допотопный газовый обогреватель и бросила монетку в прорезь счетчика. По слухам, в стране ощущалась нехватка пенсов и шиллингов. Урсула не понимала, почему нельзя пустить на переплавку пушки. Перековать, как

говорится, мечи на орала.

Разобрав посылку от Памми, она выложила содержимое на деревянную кухонную доску; получился натюрморт бедняка. Отмыть овощи от земли не представлялось возможным, поскольку трубы замерзли; впрочем, давление газа было настолько низким, что даже согреть воду на плите было трудно. «И, как гранит, вода». На дне ящика обнаружилась бутылочка виски. Милая, славная Памми, такая заботливая.

Она зачерпнула немного воды из ведра, заранее наполненного у водозаборной колонки на улице, и поставила на газ кастрюльку, собираясь сварить одно яйцо, хотя на это требовалась уйма времени: голубой венчик над конфоркой едва теплился. В городе повсюду висели объявления о необходимости следить за давлением газа: фитиль мог погаснуть, если оно упадет до критического уровня.

Так ли уж страшно отравление газом? — подумала Урсула. *Отравление газом.* Как тут не вспомнить Освенцим. И Треблинку. Джимми служил в десантных войсках, а незадолго до конца войны примкнул — по его словам, в общем-то, случайно (если верить Джимми, все, что с ним происходило, было случайностью) — к противотанковой части, которая освобождала Берген-Бельзен. Урсула требовала подробностей. Он рассказывал с неохотой и, видимо, утаивал самые трагические эпизоды, но ей нужно было знать. Человек должен быть причастен ко всему. (В голове у нее звучал голос мисс Вулф: «Дожив до

грядущего благополучия, мы будем обязаны вспоминать этих людей».)

По работе она занималась сводками смертельных потерь: к ней на стол стекались бесконечные потоки цифр, которые обозначали погибших от бомбежек и обстрелов. Эти цифры нужно было сводить воедино и регистрировать. Тогда они казались ошеломляющими, а цифры другого порядка — шесть миллионов погибших, пятьдесят миллионов погибших, бесчисленные множества душ — вообще оставались за гранью понимания.

За водой Урсула ходила накануне. Они (кто такие «они»? После шести лет войны все привыкли выполнять то, что «они» приказывали; англичане — народ дисциплинированный) — «они» установили на соседней улице водозаборную колонку, и Урсула наполняла под краном чайник и ведро. В очереди за водой перед ней стояла дама в умопомрачительном серебристо-сером мантио из соболей, а вот поди ж ты, безропотно ждала со своими ведерками на пронизывающем ветру. В Сохо она смотрелась более чем неуместно, только кто мог знать ее историю?

Женщины у колодца. Урсула смутно помнила, что Иисус вступил в неличеприятный разговор с женщиной у колодца. С самаритянкой — естественно, безымянной. У нее было пять мужей, тот, с кем она жила теперь, мужем ей не был, однако в каноническом тексте Библии не сказано, куда же делись пятеро предыдущих. Не исключено, что она отравила тот колодец.

Урсула вспомнила рассказ Бриджет о том, как девочкой она ежедневно ходила за водой к колодцу в своей ирландской деревне. Вот тебе и прогресс. Как же быстро цивилизация распадается на части, еще более уродливые, чем она сама. Взять хотя бы немцев: культурные, благовоспитанные люди, но вместе с тем... Освенцим, Трешлинка, Берген-Бельзен. При другом стечении обстоятельств на их месте вполне могли бы оказаться англичане, но об этом не полагалось говорить вслух. Вот и мисс Вулф так считала: она говорила, что...

— Скажите, пожалуйста, — прервала ее мысли дама в соболях, — вы не знаете, почему у меня в квартире вода замерзает, а здесь — нет?

У нее был кристально чистый выговор.

— Сама не понимаю, — ответила Урсула. — Я уже вообще ничего не понимаю.

Дама рассмеялась:

— У меня, поверьте, точно такое же ощущение.

И Урсула подумала, что неплохо было бы с ней подружиться, но тут стоявшая сзади женщина поторопила:

— Не задерживайте, пожалуйста, очередь.

И дама в соболях, споро, как труженица Женской земледельческой армии, подхватив свои ведра, сказала:

— Ну, мне пора. Всего доброго.

Урсула включила радиоприемник. Вещание Третьего канала было приостановлено на

неопределенный срок. Война плюс погодные условия. Хорошо еще, если удавалось поймать «Домашний» или «Легкую музыку», — сбои в электроснабжении следовали один за другим. Ей не хватало фона, привычного житейского шума. Джимми перед отъездом отдал ей свой старый патефон: ее собственный пропал в Кенсингтоне — к сожалению, почти со всеми пластинками. Спасти удалось лишь несколько штук, чудом уцелевших; одну из них она сейчас и поставила. «Уж лучше умру, уж лучше лягу в гроб». Урсула даже рассмеялась.

— Весело, да? — сказала она вслух.

Заезженная пластинка шипела и потрескивала. Но ведь в точку, правда? Урсула посмотрела на часы — золотые дорожные часики, некогда принадлежавшие Сильви. После похорон она забрала их себе. Еще только четыре. Господи, как же нескончаемо тянулись дни. Заслышав короткие сигналы, Урсула включила новости. Только зачем?

В тот день она долго бродила по Оксфорд-стрит и Риджент-стрит, чтобы только убить время, а на самом деле — чтобы не сидеть в своей конуре. Скучно освещенные магазины нагоняли тоску. В «Суон энд Эдгарс» — керосиновые лампы, в «Селфриджес» — свечи; повсюду искаженные, сумрачные лица, как на полотнах Гойи. Глаз остановить не на чем, а если и попадалось что-нибудь приличное, то цены кусались: прелестные теплые ботиночки с меховой опушкой стоили пятнадцать гиней. Одно расстройство. «Хуже, чем в войну», как сказала мисс Фосетт, ее

сослуживица. Сейчас она готовилась к свадьбе и увольнялась; сотрудницы скинулись на подарок и купили какую-то невразумительную вазочку, но Урсула хотела подарить ей что-нибудь от себя, нечто более оригинальное, однако ничего не придумала и решила присмотреть подходящую вещицу в универмагах Уэст-Энда. Но так ничего и не присмотрела.

Зашла в «Лайонз», взяла чашку бледного чая — «что овечья вода», сказала бы Бриджет, — и жалкий кекс (в котором насчитала ровно две сухие изюмины), к нему крошечную порцию маргарина, а затем попыталась представить у себя на тарелке изысканные деликатесы: соблазнительный *Cremeschnitte*¹⁸ или ломтик *Dobostorte*¹⁹. Вероятно, в настоящее время немцам было не до лакомств.

У нее невольно вырвалось *Schwarzwälder Kirschtorte*²⁰ (восхитительное название, восхитительный торт), и это привлекло непрощеное внимание сидевшей за соседним столиком посетительницы, которая героически сражалась с пышной глазированной булочкой.

— Беженка, дорогуша? — спросила незнакомка, поразив Урсулу своим сочувственным тоном.

— Можно и так сказать, — ответила Урсула.

Дождаясь, пока сварится яйцо (вода грелась еле-еле), она стала рыться в книгах, которые после переезда из Кенсингтона так и лежали нераспакованными. Обнаружила Данте в красном

сафьяновом переплете — подарок Иззи, под ним томик стихов Джона Донна (ее любимый), поэму «Бесплодная земля» (библиографическая редкость, первое издание, зачитанное у Иззи), полное собрание Шекспира под одной обложкой, милых ее сердцу поэтов-метафизиков и, наконец, на самом дне коробки — предписанную школьной программой потрепанную книжку Китса с надписью: «Урсуле Тодд за успехи в учебе». Как эпитафия, подумалось ей. Перелистав слежавшиеся страницы, она нашла то, что искала:

Канун Святой Агнессы. Холода.
Сове — и то в лесу несладко было.
Зайчонок ковылял по корке льда.
В хлеву скотина смолкшая застыла.

Она прочла это четверостишие вслух; по коже пробежал мороз. Сейчас бы подошло что-нибудь согревающее — про пчелок, например:

...Растить последние цветы для пчел,
Чтоб думали, что час их не прошел
И ломится в их клейкие ячейки.

Китсу следовало бы дожить свои дни на английской земле. Почить летним днем в английском саду. Как Хью.

Сварив наконец яйцо, она развернула вчерашний номер «Таймс», который отдал ей в экспедиторской, дочитав, мистер Хоббс, — у них это уже превратилось в ежедневный ритуал. Новый, уменьшенный формат газеты выглядел насмешкой:

как будто сами новости съежились. А ведь так оно и было, разве нет?

Серыми мыльными хлопьями пепла за окном валил снег. Ей вспомнились польские родственники Коулов, взмывшие вулканическим облаком над Освенцимом, обогнувшие землю, заслонившие солнце. Даже сейчас, когда люди узнали о концлагерях и прочем, в стране махровым цветом расцветал антисемитизм. «Еврейчик», — сказали вчера на работе о каком-то человеке, а когда мисс Эндрюс отказалась сдавать деньги на свадебный подарок для мисс Фосетт, Инид Баркер шутливо сказала: «Пожидилась» — как будто это была совершенно невинная реплика.

В последнее время их контора вызывала у нее лишь тоску и досаду, — видимо, сказывалось измождение от холода и недоедания. Да и работа была скучной: бесконечное составление и перекраивание таблиц для отправки в какой-то архив — чтобы в будущем историки не сидели без работы, полагала Урсула. «Разбору завалов», как сказал бы Морис, не было конца, словно военные потери — это старый хлам, который нужно убрать с глаз долой и забыть.

Отряды гражданской обороны — и те были расформированы полтора года назад, а она по-прежнему занималась бюрократическим крючкотворством. Небесные (или правительственные) жернова мололи медленно и с преувеличенной тщательностью.

Яичко оказалось необыкновенно вкусным, словно только что из-под несушки. Раскопав у себя старую почтовую карточку с изображением брайтонского «Королевского павильона» (купленную во время их с Крайтоном однодневной вылазки, но лежавшую без дела), Урсула написала на ней слова благодарности Памми: «Чудо! Как посылка от Красного Креста» — и поставила на каминную полку, где тикали дорожные часы Сильви. Рядом с фотографией Тедди. Он был снят солнечным днем в составе экипажа тяжелого бомбардировщика «галифакс». Парни расположились на обшарпанных разномастных стульях. Вечно юные. На коленях у Тедди с гордым видом стояла собачка Фортуна. Фортуна сейчас могла бы здорово поднять ей настроение. К рамке фотографии был прислонен орден Тедди «За боевые заслуги». Урсуле в свое время тоже вручили какую-то медаль, но она не придавала этому никакого значения.

Открытка могла подождать до завтра. Сколько дней она будет идти до Лисьей Поляны — никому не известно.

Пять часов. Урсула отнесла тарелку в раковину, где громоздилась немытая посуда. Серые хлопья переросли в пургу, заслонившую свинцовое небо, и Урсула попыталась задернуть тонкую ситцевую занавеску, чтобы отгородиться от ненастья. Занавеска упрямо цеплялась за проволочный карниз, и Урсула сдалась, чтобы не обрушить хлипкую конструкцию. Из разошедшейся оконной рамы нещадно тянуло сквозняком.

Электричество отключилось; пришлось ощупью найти на каминной полке свечу. То ли еще будет. Поставив свечу и бутылку виски возле кровати, Урсула прямо в пальто забралась под одеяло. Бороться с усталостью не было сил.

Газовый огонек тревожно мигал. Так ли уж это страшно? «Без боли стать в полночный час ничем». История знала куда более жестокие способы. Освенцим. Треблинка. Горящий «галифакс» Тедди. Единственным средством удержаться от слез было виски. Милая, славная Памми. Огонек, напоследок моргнув, умер. А за ним и фитиль. Урсула не знала, когда дадут газ. Разбудит ли ее запах, достанет ли у нее сил встать, чтобы зажечь конфорку заново. Могла ли она подумать, что встретит смерть, как замерзшая в норе лисица? Памми увидит открытку и поймет, что сестра была ей благодарна. Урсула закрыла глаза. Ей казалось, она не спала целый век.

В самом деле она очень, очень устала.

Подступала темнота.

¹⁸ Крем-шнитте (нем.).

¹⁹ Добош-торт (нем.).

²⁰ Шварцвальдский вишневый торт (нем.).

Снег

11 февраля 1910 года

Теплый, молочный, совершенно новый — этот запах, как гудок сирены, разбудил кошку Куини. Строго говоря, она принадлежала миссис Гловер, но всем своим независимым видом показывала, что не принадлежит никому. Эта раскормленная кошка черепахового окраса появилась в доме вместе с миссис Гловер, которая принесла ее в дорожной сумке. Кошка тут же облюбовала стоявший возле плиты стул с высокой резной спинкой — уменьшенную копию стула миссис Гловер. Притом что этот стул был в полном ее распоряжении, она повсюду оставляла свою шерсть, в том числе и на постельном белье. Хью, не питавший расположения к кошкам, постоянно сетовал, что волоски этой «линючей твари» непостижимым образом оказываются даже на его костюмах.

Более зловредная, чем обычные кошки, она, подобно боевому зайцу, била лапами любого, кто к ней приближался. Бриджет, также невеликая любительница кошек, заявляла, что эта зверюга одержима бесом.

Так откуда же шел этот новый аромат? Неслышно поднявшись наверх, Куини проникла в главную спальню. Там было жарко натоплено. В комнате ей понравилось: толстое мягкое одеяло на кровати, мерное дыхание спящих. А больше всего — идеальная, кошачьего размера колыбелька, уже согретая идеальным, кошачьего размера упругим

валиком. Куини выпустила когти в мягкую плоть и вдруг почувствовала себя котенком. Устроившись поудобнее, она басовито заурчала от удовольствия.

Острые иглы, вонзившиеся в кожу, пробудили сознание. Боль оказалась новым, неизведанным ощущением. А потом на лицо навалилась тяжесть, в рот полезла какая-то дрянь, перекрывшая воздух. Как она ни пыталась сделать вдох, становилось только хуже. Совершенно беспомощная, она была придавлена, придушена. И падала, как подстреленная птица.

А Куини уже забылась в приятной дремоте, но тут ее грубо схватили и швырнули через всю комнату. Она взвыла и, плюясь, задом попятилась к дверям, понимая, что битва проиграна.

Никаких признаков жизни. Безвольная и неподвижная, крошечная грудная клетка не шевельнулась. У Сильви колотилось сердце, как грозный кулак, рвущийся наружу. Такой риск! Ее захлестнуло волной ужаса.

Она инстинктивно прижалась раскрытыми губами к младенческому личику, накрыв пуговку носа и маленький рот. Осторожно выдохнула. Еще. Еще.

И малышка стала оживать. Вот и все. («Уверен, это простое совпадение, — заявил доктор Феллоуз, когда она поведала ему об этом медицинском чуде. — Вряд ли таким способом можно кого-либо вернуть к жизни».)

Бриджет, отнеся наверх чашку бульона, спустилась в кухню и послушно доложила: — Миссис Тодд говорит: передай хозяйке — то бишь вам, миссис Гловер, — чтобы духу этой кошки больше в доме не было. А лучше всего ее усыпить.

— Усыпить? — Миссис Гловер пришла в ярость.

Кошка, успевшая занять свое насиженное место у плиты, подняла голову и мстительно посмотрела на Бриджет.

— Мое дело — передать.

— Только через мой труп, — отрезала миссис Гловер.

Миссис Хэддок с большим, как ей казалось, изяществом осушила стаканчик горячего рома. Третий по счету: она уже начала светиться изнутри. По дороге к роженице ее застигла метель; пришлось укрыться в пабе «Синий лев», не доезжая до Челфонт-Сент-Питера. В другое время она бы носу сюда не сунула, но в камине уютно шумел огонь, да и общество оказалось на удивление приятным. Вдоль стен поблескивала и позвякивала медная утварь и конская сбруя. За низкой загородкой находился общий зал, где спиртное лилось рекой. И вообще там было веселее. Люди пели хором, и миссис Хэддок невольно стала пристукивать в такт носком башмака.

— Эк метет, — сказал хозяин, облакачиваясь на широкую, отполированную до блеска стойку. — Куковать нам здесь не одни сутки.

— Не одни сутки?

— А вы возьмите еще стаканчик рому. Спешить-то некуда.

Как лисица в норе

Сентябрь 1923 года

— Значит, ты больше не едешь к доктору Келлету? — спросила Иззи, щелкнув украшенным финифтью портсигаром и обнажив аккуратный ряд черных сигарет «Собрание». — Затянешься? — предложила она.

Иззи ко всем обращалась как к своим ровесникам, с обольстительной ленцой.

— Мне тринадцать лет, — напомнила Урсула, ответив, как ей казалось, на оба вопроса.

— Тринадцать лет — это в наши дни вполне зрелый возраст, — заметила Иззи и добавила, вынимая из сумочки длинный мундштук черного дерева, инкрустированный слоновой костью. — Жизнь, знаешь ли, так коротка. — Она небрежно обвела глазами ресторанный зал, ожидая, чтобы официант поднес ей зажигалку. — Жаль, что ты больше не приезжаешь в Лондон, я скучаю. Помню, как водила тебя на Харли-стрит, а потом в «Савой» на чашку чаю. Хорошее было времечко.

— К доктору Келлету я не езжу больше года, — сказала Урсула. — Считается, что я излечилась.

— Вот и славно. Что же до меня, то я в нашей *la famille* считаюсь неизлечимой. Ты у нас, конечно, девочка благовоспитанная и не понимаешь, что значит стать козлицей отпущения за чужие грехи.

— Ну почему же. Общее представление, наверное, имею.

Была суббота; они обедали у «Симпсона».